

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЗ КРЕСТА НЕТ ХРИСТА?

Священник Владимир Соколов

Не распятых в раю нет 4

Владимир Мартынов

Крест и свобода.

Как они сопрягаются? 8

Ирина Ушакова

В память о любимом святом 11

Лариса Беляева

Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста... 12

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Вадим Рутковский

Крымский ковчежец 14

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Архивариус

Ничто не проходит бесследно

Храм у Пречистенских ворот. Храм

Воскресения Словущего на Остоженке 17

Анна Макарова

...И тьма не объяла его 20

СТРАНА СЛОВ

Игумен Варлаам (Борин) – Дмитрий Шеваров

Правда в том, что мир лежит во зле,
но это не вся правда 23

Игумен Варлаам (Борин)

Тритонови очки 26

Ирина Монахова

«И человечество двинется вперед» 28

МИР ВОКРУГ НАС

Дмитрий Шеваров

«Духом я не падаю» 31

Елена Орлова, Яна Ушакова (фото)

Свет и крест Валентина Распутина 34

Лариса Беляева

Такая простая и ясная жизнь... 38

**Храм иконы
Божией Матери «Знамение»
в Ховрине**
lampada-press.ru

Настоятель

протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор

Павел Демидов

Елена Трубецкая (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Спасо-Преображенский
собор в г. Тольятти

Адрес редакции:

125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 05.07.2016
Цена свободная

**Этот номер вышел заботами
раба Божия Александра. Храни
его Господь**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в типографии ООО «Буки Веди».
115093, Москва, Партийный пере-
улок, 1, корп. 58

Контактный телефон:
+7 (495) 926-63-96

Тираж 800 экз. Заказ № 5243
© Лампада, 2016

«...Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною», – сказано в Евангелии от Марка (8:34). И за Христом – изображено на иконе – следуют преподобные Антоний, Афанасий, Евфимий, Герасим, другие святые отцы...

Но есть Евангелие от Луки. И в нем (14:27) такие слова: «...и кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником».

Поскольку в книге Нового Завета Марк предваряет Луку, читающий сперва узнает, что нужно сделать для своего спасения. А уж затем – что его ждет, если он не примет призыву.

Так просто для понимания: быть учеником Христа – и есть нести свой крест. Вот почему жизнь без креста – это жизнь без Христа.

Так просто понять...

И так трудно исполнить...

Храм Девяти мучеников Кизических. Еще несколько минут до назначенной встречи. Я пришел чуть раньше, чтобы купить для своего близкого знакомого две книги священника Владимира Соколова: «Мистика или духовность?» и «Спор с самим собой». Моего знакомого трудно чем-то удивить: и книгочей, и сам отменный писатель, но эти книги, знаю, придутся ему так же, как когда-то пришлись мне. И я ему даже немного завидую, поскольку его еще ждут чувства, уже испытанные мной. За этими мыслями пролетели оставшиеся минуты, и вот я уже складываю ладони, чтобы получить благословение отца Владимира.

Павел Демидов

Не распятых в раю нет

чит становится новым человеком, и это рождение в нас нового человека связано с несением креста, ведь и Крещение, по словам Апостола, есть Крещение в смерть Христа (см. Рим. 6:3), которая произошла на Кресте. Божие в нас начинается с креста. И новый человек, о котором говорит апостол Павел, рождается в нас на кресте – в постоянном самораспятии грехов, в борьбе с ветхим человеком. Борьба жестокая, в которой мы постоянно проигрываем, по поводу чего и Апостол горько восклицает: «...не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» (Рим. 7:15). Своими силами победить в этой борьбе невозможно – для этого надо сделаться учеником и надо принять свой крест.

– Обходных путей, насколько я понимаю, здесь быть не может.

– Таковых нет. Крестоношение есть качество нового человека, его родовый признак. Он подобен Иисусу Христу, а Христос воскресший имел на Своем теле раны от распятия. Вся коллизия христианской жизни в этом столкновении ветхого и нового человека. Ветхий человек живет по похоти плоти, похоти очей и в гордости житейской (см. 1 Ин. 2:16). И если не распять эту плотскость в себе с ее страстями и похотями, то ветхий человек не может преобразоваться в человека нового.

– Под распятием – применительно к людям – здесь, конечно, понимается не физическое действие? Это же не распятие на кресте.

– Разумеется, нет. Мы же ведь говорим с вами о борьбе со страстями и похотями. А это, если хотите, пропуск в Царство Небесное, путь восхождения, ибо еще святые отцы говорили, что не распятых в раю нет. Впереди всех идут туда мученики за веру, то есть те, кто приняли крест в буквальном смысле слова и тем засвидетельствовали, что они истинные ученики Христа. Их называли мартиром, что в буквальном переводе означает свидетель. Они и были свидетелями истины христианства. Не случайно же на их мощах и гробах изна-

чально совершали Евхаристию. Затем это выросло в церковную традицию. Мученики, как свидетели веры и верности Христу, свободно принявшие свой крест, стали как бы фундаментом, на котором совершается Евхаристия.

– Теперь это антиминс.

– Совершенно верно. Без антиминса Божественная литургия совершаться не может. Антиминс мистически, через мощи святых мучеников, соединяет нас, современных, с жертвой Христовой. Евхаристия и является высшим выражением Крестного подвига – в ней подвиг крестоношения соединяется как нисходящий от Бога и восходящий к Божественному Кресту подвиг мучеников. В той мере, в какой мы приемлем этот подвиг, мы и приобщаемся к качествам нового человека, которые в полноте явил Христос.

– Это напоминает церковную преемственность, которая не прерывается с апостольских времен. Слушаю вас, и возникает нечто, похожее на священный трепет.

– Это естественно. Всё вроде бы далеко, а на самом деле еще ближе, чем тогда. Нам, сегодняшним, проще: мы рождаемся с тем, что Христос – Сын Божий и Спаситель. А каково было тем же апостолам!.. Они пошли за Христом, не зная, за Кем идут. Нужно было время, чтобы созреть и дозреть до этого понимания. Удивляться ли, почему, например, Иаков и Иоанн Зеведеевы попросили Христа дать им сесть одному по правую, а другому по левую сторону от Него? Они думали по-земному – быть в славе Его, по-нашему – ближе к начальству. Христос сказал им всего лишь: «...не знаете, чего просите» (см. Мк. 10:35–38). Всеведущий, Он понимал: они еще не готовы вместить в себя истину крестоношения, они еще рвутся в начальники, а новый человек – это тот, кто становится всем слугой.

– В самом деле, во всех четырех Евангелиях можно найти знаки того, как ученики Христа постепенно воз-

– Наверное, нет человека, кто хотя бы раз не посотевал на тяжесть доставшейся ему жизни. Значит, он воспринимает ее как крест, возложенный на него Богом? С другой стороны, человек вроде бы кузнец своего счастья. Тогда почему он не откует свой крест таким, чтобы потом не жаловаться?

– Откройте Евангелие от Луки, главу 14, стих 27: «...кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником». Исчерпывающий ответ. Точнее не скажешь. Крест мы выбираем сами, но предлагает его Бог – в этом смысле мы его выковываем по себе, но хорошо, когда наш выбор совпадает с тем, что предлагает Бог, – таким образом мы исполняем Его волю, и нас принимает Он в ученики.

– Тем самым Христос говорит, что не нужно пустое исповедание веры. Не нужно ни фарисейское следование букве закона, ни протестантское «Бог во мне, и этого довольно». Нужно несение своего креста. Между несением креста и званием ученика Христа стоит знак равенства. Вот мы и вышли на тему нашей беседы.

– То, о чем вы говорите, можно сопоставить еще с одним эпизодом из Евангелия. Когда Петр уговаривает Христа не принимать Свою участь, Тот отвечает ему: «...отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мк. 8:33). Этот текст – ключевой для раскрытия темы крестоношения. Потому что быть учеником Божиим – зна-

растали в своем понимании происходящего, как брали свой крест и следовали за Учителем.

– Именно. Им еще только предстояло почувствовать себя ответственными за все происходящее в мире, за каждого человека, который окажется на их пути. Это чувство ответственности и рождает в человеке христианина, то есть нового человека. Но чувство это рождается тогда, когда мы берем крест. В нем – основное переживание души, если хотите – ее распятие.

– Это ощущение ответственности в какой-то мере перекликается с мыслью Достоевского, который говорит, что все мы виноваты друг перед другом.

– Но почему виноваты? В чем существо и начало этой вины? Вина в том, что изменилась наша природа – через грехопадение одного грех настиг всех. Произошло не просто какое-то событие, мол, кто-то что-то нарушил. Случилась катастрофа вселенского масштаба. Адам, который должен был возрастать в нового человека, впал, по учению святых отцов, в «состояние неразумных животных», иначе говоря, деградировал до животного состояния. И весь мир – и животный, и растительный – деградировал вместе с ним.

– Это можно назвать своего рода точкой отсчета?

– Да, но только обратного. Недавно я услышал рассказ, который меня буквально потряс. Епископ Митрофан (Баданин) до принятия священного сана двадцать шесть лет отслужил на флоте, уволился капитаном 1 ранга. Это к тому, что он знал, о чем говорит. В военно-морском училище их готовили к службе на противолодочных кораблях, а у них днище специально делается деревянным. И курсантов обучали тому, как бороться с морским червем, который поедает эти днища. Будущий владыка столкнулся с интересным феноменом. На всех морях Северного флота червь не трогал деревянные днища. Почему? Вразумительного объяснения в то время он не нашел. Пока, уже значительно позже, изучая житие преподобного Варлаама Керетского, вдруг обнаружил такой факт...

– Когда жил этот святой?

– В XV веке. Когда-то он совершил смертный грех, и на него была наложена многолетняя, тягчайшая епитимья. Выполнив ее, он плавал на карбасе по Беломорью. И однажды попал в залив, который буквально кишел этими червями. Он прочел заклиательную молитву, и червь в этих водах перестал есть дерево. А Святой понял, что грех ему прощен.

– Потрясающая история! И какое оптимистическое назидание нам, грешным...

– Владыка задался главным вопросом: как червь мог отказаться от своей пищи? Он обратился к знакомому ученому. Оказалось, что червь этот вовсе не червь, а изначально моллюск, который деградировал до червеобразной жизни, поедая, как и червь, дерево. Моллюск же питается фильтруя воду и пропуская ее через свою раковину. Так что Чудотворец не дерево запретил грызть червю, а вернул его в первозданное состояние, возвратил ему изначальную природу. Но возможно это стало тогда, когда Варлаам через подвиг самораспятия вырвался из уз того состояния, в которое мы впали с грехопадением. Новый человек в нем вступил в свои права: изменяясь сам, он изменял теперь и пораженную в грехопадении тварь.

– Где они, сегодняшние преподобные Варлаамы?..

– Они есть во все времена. Сколько святых в одной только нашей Церкви! Хочу подчеркнуть главное. Такое чудо возможно только тогда, когда творящий его уже сам приобщен преображенной природе.

– Интересно, что труднее: стать святым или быть святым?

– А вы попробуйте.

– Шутите?

– Конечно, шучу. Блаженный Августин косвенно отвечает на ваш вопрос: «Великая свобода – быть в состоянии не грешить, но величайшая свобода – не быть в состоянии грешить».

– Честно говоря, я вижу в этом больше изыщества, чем глубины.

– В какой бы изыщной форме не был бы поставлен вопрос, но он не может нас не волновать. Как же приобщиться к этому состоянию? Знаю не только как священник, но и из личного житейского опыта, насколько мучительно возвращение человека к самому себе. Мы судим о святых по их житиям. Но, как правило, скупы источники, да и не любили святые распространяться о себе и своем опыте. Потому порой кажется, что все было просто и легко: помолился, попостился, попросил Господа – и Он все управил. На деле же все происходило в страшных столкновениях, в терзаниях души. Нам с нашей расслабленностью и подпорченностью трудно это представить. Об этом и говорит апостол Павел: мучительно познавать, что хочешь стать другим, но не можешь, потому что плоть диктует свои законы. А жить по плоти – значит жить по страстям. По закону диавольской триады: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская.

– Это, наверное, и есть в широком смысле наш крест.

– Несением которого только и можно победить эту триаду. Как? Только возвращением к изначальной добродетельности, в борьбе нового человека с ветхим, павшим. Вспомните того червя. Он подплывает к судну и раковинкой, в которой живет (хоть и бывший, но все же моллюск), просверливает дырку и пролезает в нее. И пока все не разест, к себе не возвращается. А подлинный моллюск питается по-другому – фильтруя воду. И вот на Севере моллюск питается ничем не разрушая, как было изначальное. Но мы продолжаем пребывать в состоянии неразумных животных. Это извращение изначальной природы – мы перерождаемся в хищников. Весь мир стал миром хищников. Мы только и думаем, где кого укусить, где что схватить. В том числе и ближнего своего.

– Любопытная диалектика. Чем человечество, в его представлении, становится цивилизованнее, тем изощреннее и масштабнее способы уничтожения всего вокруг. Даже каннибализм из плотского становится нравственным. В этом и состоит прогресс?

– Вопрос риторический. Могу лишь повторить: кардинально меняет человека только крестоношение. Больше того, вместе с человеком меняется и мир. Медведь приходил к преподобному Серафиму. Лев умер от горя на могиле святого Герасима. Сколько случаев, когда животные, доверяясь человеку, сами становятся смиренными, послушливыми. Известен такой эпизод. На Кавказе монахини жили в скиту. Одна из них была медиком. Пришла к ним медведица с огромной занозой в лапе. Она стонала от боли. Монахиня вынула занозу, перебинтовала рану. И что вы думаете? На следующий день медведица пришла за новой перевязкой. Потом она начала таскать инокиням овощи. Можно сегодня представить такие отношения между диким зверем и человеком? А это не так далеко от нас во времени. Каких-то полвека назад.

– Сегодня нам проще представить, как два человека решают спор между собой с помощью бейсбольной биты. А то, что вы рассказали, у многих вызовет скептическую улыбку.

– Но как раз это и есть реальность. Пусть сегодня во многом утраченная, но – реальность, то есть нормальный ход жизни. А то, в чем мы живем, – реальность мнимая, псевдореальность, которую создает падший человек. Он думает, что преобразует мир, что он – хозяин этого мира. На самом деле он – больной ребенок, которого папа и мама таскают на руках и кормят с ложечки. Мы действительно больны. И пока не осознаем это...

– Осознаем ли?

– А это уже вопрос личной свободы. Кто-то осознает, кто-то – нет... Если осознали – это первый шаг к выздоровлению, первая ступень на пути возвращения, которое совершается всегда вверх. Кто мы, как относимся к Богу и, что очень важно, в каком находимся состоянии. Тогда мы начнем искать пути возвращения к реальности. А святые – они как раз показывают нам этот путь.

– В нашем бытовом сознании жития святых больше воспринимаются как отвлеченные примеры удивительных судеб, как повод лишний раз сокрушенно вздохнуть о собственном несовершенстве, как, наконец, реальные доказательства существования Бога. Но мало кто задумывается над тем, что жизнь святого – это своего рода инструкция ко спасению, армейская формула «Делай как я».

– Я бы добавил еще и долю конкретики. Это прежде всего воздержание и любовь ко всей твари. А такое возможно опять же только через крест.

– Через крест каждого конкретного человека. Человечество в целом, единой массой сделать это не может. Только по отдельности. Я не прав?

– Правы. Потому не могу сказать, что испытываю переизбыток оптимизма.

– А как с пессимизмом?

– С пессимизмом я не дружу: он дитя уныния, а оптимизм мой исходит изнутри, потому что наша внутренняя жизнь просвещается образом Божиим, который мы все носим в себе. У нас есть с чем сравнивать себя. Есть эталон – образ Божий. Нужно только набраться мужества и посмотреть в зеркало своей души. А вот сумеем ли мы претворить этот образ в подобие – зависит от нашей воли.

– Представим: мы смотрим на себя и видим... или начинаем видеть в себе черты того самого подобию. Нет ли здесь опасности ступить на тропу прелести? Вот, мол, какой я – начинаю меняться?

– Опасность соскользнуть, та самая удобопреклонность ко греху, есть всегда. Путь возрождения – как переход по канату, вообще нет шансов перейти на другую сторону. Как и нет их, если рассчитывать не на помощь Божию, а только на себя. Что до прелести, о которой вы говорите, – это и есть, по сути, проявление самости, то есть отказ от Бога. Прямой путь в пропасть. Но ориентир на Эталон обнажает скорее недостатки души, чем ее добродетели. И это открывает перед нами поле деятельности.

– Вы сказали: «У нас есть с чем сравнивать себя. Есть эталон – образ Божий». Не дерзость ли сравнивать себя со Христом?

– А как же возможно не сравнивать себя с этим образом, если мы носим его в себе? Наверное, только в омертвелой, теплохладной душе прекращается этот процесс сравнения. А если нет того, с чем сравнивать, как мы можем вообще узнать что-то о подлинной добродетельности? Когда душа мертва, мы и начинаем называть добром зло. Как-то в бане в мужской компании один почтенный профессор обвинил меня в эгоизме, по той причине, что я не откликаюсь на желание женщин насладиться близостью. А себя он назвал альтруистом, потому что постоянно это делал. Заметьте, как ловко ум оправдывает грех, называя его добродетелью. Только свет, исходящий из образа, может обличить эту апологию греха. И если мы перестанем всматриваться в этот образ, нас ждет тотальная нравственная катастрофа.

– Вы правы. Без Эталона вообще невозможно никакое сотворение.

– А тем более – сотворение нового человека. Если нет Эталона (подчеркиваю: с большой буквы), в его роли выступает человеческое разумение. Критерием становятся эмоции, страсти. Прав становится тот, кто громче кричит. Или у кого больше денег, власти, греховной страсти. Истина же не любит шума. Она посещает в тишине. Дух Божий не является в грозе и буре...

– Как в сверкании молний «бог из машины» в греческих трагедиях.

– Но мы, слава Богу, не язычники. Вот это тихое веяние ветра – по сути, внутреннее состояние, состояние смирения. Человек ожидает его, он на нем сосредоточен. Это желание видит Бог и на него откликается. В той мере, в какой оно искренне, в той оно и полезно человеку. Ведь часто бывает так, что человек повторяет изо дня в день: «Да будет воля Твоя», а сам в это же время думает, как бы ему поступить еще пока по своей воле. Нельзя попасть в новую реальность, вступая одной ногой в чистую проточную воду, а другой – вляпываясь в топкое болото – затянет всего человека. Болото – это наша самость, в которую мы всматриваемся, любим ее и приписываем ей нимбы. Но это наше очарование собой быстро исчезает, как исчезают перед молитвой чары, когда мы всматриваемся в образ Божий.

– Крест – дело добровольное или человек его получает, хочет он того или нет?

– Конечно, добровольное. Иначе о какой свободе воли можно говорить? Бог предлагает. А тебе нужно слушать и слы-

шать Его. Если вы не хотите быть учеником Божиим, то это дело другое, мы сами себе становимся учителями. Но ученик – это тот, кто слушает, кто находится в послушании. Бог избирает Себе учеников – зовет их идти за Собой, но не неволит, а предлагает. Помните, как у Иоанна Богослова в Откровении (3:20)? «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь...

– ...войду к нему, и буду вечером с ним, и он со Мною».

– Вдумайтесь! Всемогущий Господь войдет, если только человек выпустит Его к себе. О каком принуждении можно говорить? Где это вера в Бога ущемляет свободу человека? История с апостолами в этом смысле весьма показательна. До определенного времени они вообще не понимали, о чем речь. Это были дети своего времени. Но в процессе общения со Христом происходит нечто, что их убеждает. «Бывшие же в лодке подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий» – это у Матфея (14:33). У него же (16:16): «Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты – Христос, Сын Бога Живаго». И, наконец, Фома. Что он ответил тем, кто отговаривал Христа идти в Иудею, чтобы воскресить Своего друга Лазаря? Они знали: Ему грозит опасность. Он сказал: «...пойдем и мы умрем с ним» (Ин. 11:16). Пойдем за Христом, даже если умрем, как Лазарь. Такие слова вдруг не рождаются. До них нужно дорасти. Потому апостолы и последовали свободно за Христом.

– То есть последовали за Христом, неся свой крест, и потому стали Его учениками.

– Совершенно верно. Для меня Фома как раз один из первых свидетельствовал о Христе. Апостолы не поверили Марии Магдалине, когда она сказала им о Его Воскресении. Не поверили и двоим из них, повстречавшим на дороге живого Христа. Не поверили, даже когда Он явился всем одиннадцати, они подумали, что это дух, и Он даже предложил им ощупать Его плоть! Похоже на то, что случилось потом с апостолом Фомой? Внешне – да, но в отличие от него они-то были на месте!

– Можно не по теме? Как понимать «вид путешествующего в Иерусалим»?

– В древности тот, кто отправлялся на поклонение в Иерусалим, очевидно, имел какие-то отличительные знаки.

– Нечто похожее существует в мусульманской традиции. Но все это чисто внешнее и носит скорее ритуальный характер?

– Да, это чисто внешнее.

– Позвольте еще отступление от темы? Что писал Христос перстом на

земле, когда к нему привели женщину, взятую в прелюбодеянии? Мне не удалось найти ответ. А ведь он вернулся к этому, когда, обличаемые совестью, фарисеи и книжники разошлись.

— Здесь опять же можно только предполагать. Разумеется, это не было пустое занятие: Христос и пустяки — такое невозможно! К тому же, пишет Иоанн Богослов в Евангелии, Он возобновил прерванное занятие. Значит, это было нечто важное. Что? Он мог писать грехи тех, кто привел женщину. Мог начертать какой-то знак или символ, понятный только тому, кому был адресован.

— Поэтому они ничего не ответили на вроде бы простую фразу Христа: «...кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин. 8:7).

— А что ответишь Тому, Кто все и так знает? К тому же Христос таким образом никого прилюдно не унижает, и это урок всем нам: не осуждай! Он мог бы Своей властью сделать с ними что угодно: прогнать, покарать, даже уничтожить. Но Бог не нарушает свободы человека, а предоставляет тому самому принимать решение. Это ответ и на вопрос, который вы мне прежде задали: крест берут или дают? Побудить к поступку, а не заставить — вот принцип отношений между Богом и человеком.

— А между человеком и Богом?

— А это зависит от человека. От того, как он понимает себя, свое место в мире, как понимает и использует свою свободу. Господь, как мы знаем, всего лишь стоит при дверях и стучит.

— Но, с другой стороны, в Евангелии есть и такое: Отец отсекает всякую ветвь, не приносящую плода (см. Ин. 15:2). Нет ли здесь оттенка радикализма?

— Евангелие написано для нас, оно приспособлено к нашему состоянию, к нашим чувствам и мере понимания. Этому учили святые отцы. Антоний Великий говорит, что Бог не наказывает никого. Он — как солнце — светит всем — и добрым, и злым. Но мы своей поврежденностью ставим себя в положение, которое непременно накажется. Чем? — своими же страстями и похотьми. Представьте: человек запустил больную ногу до того, что у него началась гангрена. Спасет жизнь только ампутация. Можно сказать, что хирург отрезал ногу? А на самом деле он сохранил жизнь. Когда Христос говорит, что Отец отсекает бесплодную ветвь, Он имеет в виду результат: человек сам уже сделал выбор, из-за чего отпал от Бога. Дальнейшее — вопрос, если можно сказать, уже технический, но никак не духовный.

— Всегда ли конструкция «человек — Бог» зависит только от человека?

— А от кого она еще может зависеть? Бог всегда открыт перед человеком.

— Согласен: человеку нужно только откликнуться на стук.

— Что же ему мешает сделать это?

— А может, кто мешает?

— Тот, кого вы имеете в виду, мешает всегда. Но, опять же, только с произволения человека. Сам по себе враг бессилен. К сожалению, люди не понимают, что становятся марионетками в бесовских лапах.

— Могу привести совсем свежее и весьма убедительное подтверждение вашим словам. Недавно в одной из очень продвинутых газет прошла серия публикаций о волне детских самоубийств. Порядка 130 случаев за последние полгода. Жертвы — пользователи социальных сетей интернета, так называемых «групп смерти». Суициды совершаются, как правило, «артельно», открыто назначается дата. С детьми явно работают, убеждая и подталкивая их к последней черте.

— Дальше можно не рассказывать. Ясно и кто с ними работает, и с какой целью.

— Но вы бы видели, как шло обсуждение!... Какие только причины ни назывались, какие ни выдвигались гипотезы... Психологи, юристы, педагоги, просто родители... каждый пытался открыть свою Америку. Звучало все, кроме, пожалуй, единственно верного: что это — вмешательство сил темного мира, который действует не на самих детей напрямую, а через своих «агентов» — через людей, а они уже манипулируют этими детьми.

— Вы абсолютно правы. Именно через «агентов», своего рода посредников в цепочке зла, проявляется бесовская сила. Достигается двойной эффект: юная душа убила себя суицидом, а посредник — участием в делах тьмы.

— Слов нет, нужны контрмеры. Но против явлений духовного порядка бесполезно бороться только физическими средствами. Как люди этого не понимают! Слово «священник» или слово «Церковь» ни разу не были даже упомянуты! Мне очень тревожно за людей, которые искренне хотят вмешаться и помочь, но не понимают, куда нужно смотреть.

— Это — состояние всего человечества. Мы думаем, что можем своими силами что-то сделать. А это уже очень смахивает на монументализм при строительстве Вавилонской башни. Мы не понимаем, что мы испорченны. А если ты испорчен, то и производить будешь

только испорченное. Значит, мы и не ищем средств, которые могли бы исправить прежде всего нас. Средство, между тем, только одно — это изменение, преобразование самого человека. Пока его нет, одни будут продвигаться в направлении «групп смерти», а другие — объединяться, пытаясь им противостоять, но последнее неэффективно. Конечно, такое трепыхание, хоть как-то продлевая жизнь человечеству, дает возможность кому-то задуматься и прийти к Богу. Но это не решение проблемы. Оно в том, чтобы человек вступил в борьбу с этим темным миром. Апостол Павел говорит, что наша брань не против крови и плоти (идиоматическое выражение означает человека), но против духов злобы поднебесной (см. Еф. 6:12). Это и есть главная христианская брань. Если хотите, тот самый крест, с которым человек идет за Христом и считается Его учеником.

— То есть идея несения креста и следования за Христом сопрягается именно с этой идеей главной христианской брани.

— Только так. А против кого боролся Христос? Не против же людей! О тех, кто Его распинал, Он молился и говорил: «...Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34). Когда Христос шел Своим Крестным путем, Ему помогал нести Крест Симон Кириянин. И получалось: Крест несли двое — Сам Христос и Симон. В этом евангельском образе — указание на сорботничество Бога и человека.

— И в нем же прослеживается та идея, о которой мы с вами вели беседу, — идея ученика Христа в самом прямом смысле этого слова. Который следует за Ним и несет Крест Христа в качестве своего креста тоже.

— Заметьте, учеником становится случайный человек, который всего лишь проходил мимо.

— Значит, так возможно поступить любому. Как это сделал благоразумный разбойник.

— Именно! В этом же глубочайший смысл! Этот разбойник, как известно, первым — первым! — вошел в рай, хотя был справедливо наказан за свои грехи. Как вошел? Через покаяние. Это значит, и это едва ли не самое важное в нашей вере, — никому не закрыт путь в Царство Божие, ибо никому не заказано покаяние. Через покаяние мы становимся учениками Христа. Успеть бы...

— Позвольте этим последним напутствием завершить нашу беседу. Благодарю вас.

— Храни вас Господь.

Фото Ларисы Беляевой

Крест и свобода. Как они сопрягаются?

Книги о музыке: «История богослужебного пения», «Пение, игра и молитва в русской богослужебно-певческой системе», «Культура, иконосфера и богослужебное пение Московской Руси», «Конец времени композиторов», «Зона Opus Porth, или Рождение новой реальности»; другие книги: «Пестрые прутья Иакова», «Казус Vita nova», «Время Алисы», «Автоархеология», «Автоархеология на рубеже тысячелетий», «Книга книг». У всех у них один автор – Владимир Мартынов.

Музыка: «Плач пророка Иеремии», «Монофония для сопрано, фортепиано и колокольчиков на текст из “Улисса” Джеймса Джойса», «Двенадцать побед короля Артура для семи фортепиано», «Апокалипсис», «Игра человека и ангелов. Мистерия», опера «Vita nova (по Данте)», рок-опера «Серафические видения Франциска Ассизского», балеты «Комде и Медан», «Времена года»; музыка к спектаклям Театра на Таганке, к нескольким десяткам игровых и мультипликационных фильмов... Список этих названий – лишь малая часть того, что создал один автор – Владимир Мартынов.

Думаю, этого достаточно, чтобы читатель представил диапазон интересов и палитру возможностей одного из ярчайших наших современников. Его духовный путь – путь исканий и обретения. Можно сказать, типичный путь человека, который не хочет мириться с главной потерей человечества – потерей Бога. Жаль, что не каждому

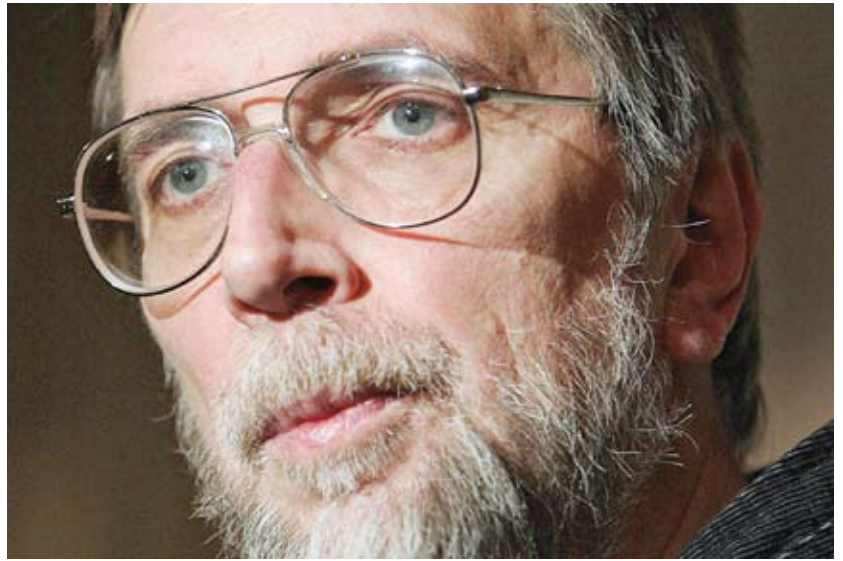

Фото Дмитрия Лекая

удается (или не хочется?) одолеть препоны и соблазны, которые открыто или тайно подстерегают его.

В жизни Мартынова был удивительный эпизод. В раннюю пору увлечения буддизмом вдруг резко обрвались контакты с наставником, который должен был его принять. Лишь через несколько лет Мартынов узнал причину. Тот объяснил ему: «Я получил твое письмо, но понял, что тебе не нужно приезжать. Твой путь – православие».

Сегодня мы с Владимиром Ивановичем обсуждаем тему номера.

Павел Демидов

– В Евангелии от Луки (14:27) Христос говорит: «...и кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником». То есть смысл, насколько я понимаю, такой: простое следование за Христом, если не несешь при этом свой крест, для спасения пустое дело. Здесь, как мне кажется, возникает несколько вопросов. Что за крест имеется в виду: то ли это страдание, то ли в совокупности вся жизнь, какая она есть, – с горестями, печалью, радостями... То есть вообще все, что посылает Господь. А «кто не несет» не означает ли, что человеку предоставляется право выбирать – нести или не нести, то есть взять крест или не взять его... Что вы обо всем этом думаете?

– Мне трудно представить, как это вообще можно следовать за Христом без креста.

– Но Христос, видимо, допускает возможность того, что может быть кто-то, кто не возьмет крест.

– Я имею в виду свое ощущение, то, что лично мне трудно говорить в таком ключе. Как это – следовать за Христом без креста? Просто так? Из праздного любопытства? Спустимся на землю. У человека всегда есть определенные обязанности: семейные, государственные, социальные, политические и так далее, которые всегда следуют за ним по жизни, то есть это его крест. Допустим, есть люди, которые отреклись от всего этого, те же монашествующие, но у них тоже свой крест, просто он другого толка.

– Получается, что без креста людей практически не бывает? Иными словами, все, что есть по жизни, и есть крест?

– Не думаю, что крест, который человек несет, – это конгломерат жизнен-

ных реалий, в которых он существует или которые достаются ему. Или которые создает он сам. Крест – это все же страдания. У каждого они свои, у каждого их объем, размер, масса... У каждого, наконец, своя степень их несения. Но это, повторюсь, всегда – страдания.

– И в этом смысл креста?

– Да, только это придает смысл тому, что претерпевает человек. Во всяком случае, я так воспринимаю. Иначе следование за Христом бессмысленно. Не в качестве же экскурсанта предаваться этому! Сия материя существует не для удовлетворения любопытства.

– А то, что не относится к парадигме страдания, выходит, и вне креста? Некий факультатив?

– Отчего же? Никакой не факультатив. Весь, казалось бы, необязательный скарб, о котором я только что говорил, человеку необходимо нести с собой.

– Как, по-вашему, соотносятся крест, который имеет реальное воплощение – в виде ли страданий, обязанностей и прочего, – как он соотносится с протестантским богопониманием?

– Что вы имеете в виду?

– Считается, что достаточно одной веры, имей Бога всего лишь в сердце – и ты спасешься. Крест же как страдание, как условие спасения, получается, и ни к чему.

– Протестантизм возник, как мы знаем, простите за тавтологию, из протеста растущему обмирщению католической церкви, возник как движение за приближение к Богу, говоря современным языком, без посредников. Стремление вроде бы благочестивое, но подчеркнутый прагматизм в отношениях с Богом привел к верховенству прагматизма как главного принципа бытия. Отсюда родился лозунг «Время – деньги». Лозунг, надо сказать, жесткий и не очень коррелирующий с классическим христианством. Но именно его я склонен был бы назвать крестом для протестанта. Плохо это или хорошо? Судить не берусь. Могу сказать, мое или не мое. Для меня скорее – второе. Многие миллионеры, исповедующие протестантство, были аскетическими людьми, придерживались строгих моральных правил. Но они несли крест своего дела. В принципе весь капитализм поднимался на этой религиозной доктрине. Далеко отстоит от православия? Да! Но сказать, что это не христианство, – я, например, такой смелости на себя не возьму.

– Но там, как я понимаю, превалировал не столько религиозный, сколько этический аспект.

– Трудно сказать однозначно. Но мораль там была, образно говоря, застегнута на все пуговицы. Особенно в высших буржуазных кругах. Там все было очень ригористично. Буржуазные семьи были, можно сказать, образцом для подражания. Можно считать это их крестом? Наверное, да. Другое дело, что для нас, православных, все, связанное с крестом, – это прежде всего сфера духа и уж в последнюю очередь нечто материальное. Я не даю оценку, но всего лишь констатирую. Так что крест можно понимать очень по-разному.

– Как вы считаете: крест – это повседневность или нечто выходящее за границы нашей рутинной жизни?

– Мне кажется, это и то, и другое. Правда, сразу нужно договориться, что такое рутинная жизнь. Если она – жизнь – настоящая, она не может быть рутинной.

– Разве обязательно вкладывать в это понятие только негативный смысл?

– Думаю, это не зависит от нашего желания или нежелания. Так есть: когда все становится рутинным, оно превращается в какую-то жвачку. Такое, может быть, неизбежно, но рутина – это всегда плохо. Скажу больше: рутина – это то, что выступает антитезой жизни. Поэтому, когда жизнь превращается в рутину, это значит, что она изменяет сама себе. Жизнь не должна быть рутинной.

– Вы отождествляете рутину с застоем.

– Рутину скорее легче сблизить с ритуальностью, хотя жизнь, я считаю, в каких-то проявлениях не может не быть ритуальной, и в этом нет ничего плохого. В том, что мы превращаем большую часть собственной жизни в рутину, вина наша, и ничья больше. Не семейные радости, а семейные обязанности, на работе – не творчество, а отбывание повинности и так далее. Это не значит, что все должно быть праздником, так, кстати, и не бывает, хотя в апостольских посланиях мы читаем призыв всегда радоваться. В рутине, я уверен, невозможно радоваться. Это своего рода общечеловеческая болезнь, в которой мы проводим большую часть своей жизни.

– Лично у меня о рутине другое представление. Ее качество зависит от того, чем она наполнена. У вас она наполняется всегда одним...

– Что поделать, если это так. Чтобы завершить эту неожиданную тему, попробую сформулировать. Рутина – это не столько содержание само себе, сколько наше к нему отношение. Я понятно выразился?

– Вполне. Значит, тем более рутина тоже может быть крестом, верно?

– А вот это, мне кажется, уж никак не может быть. Если крест превратился в рутину, то это будет какой-то пластмассовый крест, у которого мало чего

общего с подлинными чувствами и тем более со страданиями. Еще раз хочу подчеркнуть, для меня рутина несовместима с жизнью. Но – опять же – это мое, личное мнение, и только.

– На том и порешим: рутина – не свойство явления, что бы это ни было, а наше отношение к происходящему.

– Именно отношение к происходящему.

– Хорошо, оставим рутину. Ваша личная жизнь. Приходилось ли вам задумываться, что такое ваш крест?

– Одно дело – задумываться, а другое – об этом говорить. Для меня, например, это далеко не одно и то же. Иное дело – люди вокруг тебя. Тяжелобольной, который не в состоянии сам себя обслужить, или живущий в ужасных условиях, или человек в состоянии крайней бедности... Я вижу крест этого человека и вижу, как он его несет. И мне кажется, я могу сказать, как он его несет. Или мои родители. Лежачими, они один за другим прошли через тяжелое горнило болезни; слава Богу, хотя бы была возможность помогать им. Это было крестом в определенной степени и моим тоже. Но лично меня, хотя были и страдания, и операции, и болезни, – лично меня таким вот крестом в общепринятом смысле Бог пока обнес. Согласитесь, хотим мы того или нет, но крест в его общепринятом значении мы всегда отождествляем с какими-то чрезвычайными обстоятельствами, и прежде всего со страданием. Но, с другой стороны, крест есть и четко понятые обязанности...

– Повседневные?

– Повседневные в том числе.

– Их-то я как раз и называю рутинными. Но мы договорились не продолжать эту тему. Слушаю вас внимательно.

– Четко понятые обязанности, которые ты по жизни должен выполнять. Творческие обязанности исключения не составляют.

– Это можно назвать ответственностью художника перед своим талантом.

– С одним уточнением: ответственностью перед Богом за талант, полученный от Него. Это, конечно же, не крест в его, так сказать, классическом понимании, о котором мы говорили.

Просто кресты, как мне кажется, разные бывают.

– В Евангелии Христос говорит: «...кто не несет креста своего и идет за Мною...». Такая конструкция фразы предполагает, что крест можно взять, но можно и не взять. Как, по-вашему: крест берут или крест дают?

– Бывает по-разному. Не знаю, насколько это существенно. Если принимать крест как нечто неотвратимое, то так ли уж важно, дается он вам или вы берете его сами. Все равно он – ваш. Та же тяжкая болезнь, которая приковала вас к постели. Вы можете ее проклинать, можете смиренно или даже с благодарностью принимать... все равно она – ваш крест. Так что, с одной стороны, крест – это то, что неотвратимо.

– То, что дается.

– Совершенно верно: то, что дается. Но разве исключена такая, допустим, ситуация? Человек вполне благополучен. Ему кажется: нет у него никакого креста. Не повод ли это задуматься, так ли на самом деле все благостно? Нет ли у меня креста, который я, сам того не зная, игнорирую? И что в таком случае мне следует взять в качестве своего креста? Подобными вопросами задавались многие представители богатых, знатных, княжеских и даже королевских родов. На этих вопросах и ответах на них, можно сказать, построено монашество. Это, конечно, наивысшее понимание человеком своего назначения как несущего крест.

– Вы считаете, что крест всегда связан с каким-то напряжением? Это – то, что сверх?

– Конечно, это всегда напряжение! Нести свой крест – это не прогуливаться с тросточкой. Почему Христос и считает неразделимыми следование за Ним и несение собственного креста. Обратимся опять же к Евангелию. Мы видим, как тяжок Крестный путь Самого Христа, так неужели путь Его учеников, взявших свои кресты, может быть легким? А как иначе? Разве, не прилагая усилий, можно войти в Царство Небесное? Несение креста невозможно без усилия.

– Итак, человеку дается крест. Как быть в таком случае с его правом выбора, что тоже дается ему? Нет ли здесь ущемления свободы?

– Возможно, в какой-то мере свобода и ущемляется. Но прежде надо бы

определиться с тем, что же она такое, эта самая свобода.

– И что же?

– В частности, это свобода волеизъявления. Если человек свободен в изъявлении своей воли, то ему кажется, что он свободен, так? Но мы знаем, что человек все самозабвеннее, а в последнее время это особенно выпукло, служит этому своему божку – божку свободы. И что же? Он свободен? Увы, он – раб собственного своеволия. И в этом случае, конечно, неизбежно некое ущемление ради достижения более высокой, чем эта, свободы.

– А разве свобода не есть нечто единое, одномерное?

– У свободы есть и различные степени, и различные качественные составляющие.

– Получается, это сродни апостольскому определению любви. Помните у апостола Павла?

– Кто же это не помнит? Любовь, как и свобода, так же многомерна.

– Если, разумеется, это не так называемая «свободная любовь». Тогда в ней любви столько же, сколько и свободы.

– Готов согласиться с вами. То, что сейчас на Западе творится вокруг и внутри свободы, очень нуждается именно в ущемлении, поскольку иные, более высокие и чистые, я бы сказал, абсолютные понятия просто не берутся во внимание. Ими легко поступаются в угоду страстям и низменным инстинктам, но под флагом соблюдения прав человека, в какой бы форме и в каком виде это ни выставлялось.

– Вы не рискуете оказаться уязвимым, говоря не только о возможности, но даже о необходимости ущемлять некоторые первичные свободы?

– Возможно, и рискую, но меня это не пугает. Мне кажется уместной аналогия с отношениями между мужчиной и женщинами. Именно женщинами, во множественном числе. Это, по вашей терминологии, есть вид первичной свободы. Но когда вместо связей возникает связь, когда вместо «любвей» приходит любовь, нужна ли тогда она вообще, эта первичная свобода? А если говорить о Боге, тут вообще все происходит не по земным стандартам. Когда человек начинает любить Бога и стремиться к

Нему, какие вообще земные свободы могут сравниться с этим чувством?

– Можно считать, что и свобода, которой наделен человек, это тоже своего рода крест, возложенный на него?

– Так и хочется ответить: мне бы ваши заботы, господин учитель. А если без шуток, свобода – это такая сложная материя... Мы толком-то и не знаем, что это такое. Чаше путаем свободу с большим спектром возможностей. Например, уже стало общим местом считать, что сейчас человек свободнее, чем был в Советском Союзе. Коснусь сферы, наиболее мне близкой, – творческой. После 90-х годов можно было делать все, что заблагорассудится. Я с осторожностью употребляю слово «творить». Допустим, фильмы: можно было снимать и «Доктора Живаго», и «Мастера и Маргариту», да что угодно! В прежнее время это было невозможно. Но и тогда Тарковский и Параджанов делали такие вещи, которые сейчас никто делать не может. А почему? Потому что они действительно были свободны, и это не зависело от политического режима. Раньше поездка в Прибалтику была чуть ли не выездом за границу. А сейчас – пожалуйста! – Багамы, Таити... Но стал ли человек от этого свободнее? Сомневаюсь. Потому я и говорю о подмене понятий – свобода неверно отождествляется со спектром возможностей...

– А этот спектр – родовой признак общества потребления. А общество потребления и свобода – две вещи несовместные.

– Скажу больше: они – антагонисты. Возможностями можно воспользоваться в любой момент: они словно лежат и ждут тебя, и это не имеет отношения к свободе. Потому что свобода – это создание возможностей там, где их раньше не было. Именно так поступали Тарковский и Параджанов, которых я уже называл. Это не свобода, а внутренние креативные качества. Я бы сказал, что крест творческого человека в том, чтобы быть свободным вопреки несвободе. А несвобода, она существует всегда. Как, впрочем, и свобода. Стало быть, и от креста нам никуда не деться.

– Помогите нам Господь на нашем крестном пути. Так?

– А по-другому и быть не может.

– Благодарю вас. Бог в помощь.

– Бог в помощь и вам.

Ирина Ушакова

В память о любимом святом

Фрагмент росписи Михеевского храма

Вериги Преподобного

Кому из нас, нынешних расслабленных, под силу носить на себе вериги весом в 150 килограммов? Их и поднять-то сможет не всякий спортсмен-тяжелоатлет. А ведь был такой человек. Только обладал он не столько физической, сколько духовной силой. Потому ему и подчинялось то, что другим представлялось неподъемным.

Звали этого человека Иринархом, а прозывали Затворником, поскольку три десятка лет добровольного уединения он провел в Борисоглебском монастыре Ростова Великого. После кончины Иринарха, а случилось это ровно 400 лет назад, осталось, как задокументиро-

вано, «142 медных креста, семь наплечных вериг, цепь в 20 сажень, которую он носил на шее, железные ножные путы, восемнадцать ручных оков, «связни», которые он носил на поясе, весом в пуд, и железная палка, которой он избивал свое тело и прогонял бесов».

Преподобный Иринарх взял на себя молитвенный подвиг о спасении русского народа, когда поляки шли, сжигая на своем пути целые деревни – всех, кто не отрекся от православной веры и не принял католичество. Этот святой благословил на защиту Отечества князя Дмитрия Пожарского и Кузьму Минина. От стен Борисоглебского монастыря начиналась битва за Москву. Сам лютый гетман Сапега, творивший бесчинства в русской земле и дошедший уже до стен обители, с удивлением подступил к затворнику: «Благослови, батюшка, как же ты муку такую терпишь?». Они долго беседовали, но Сапега не послушался предостережения Иринарха – продолжил воевать против России и погиб. На своем пути поляки не тронули только Борисоглебский монастырь – боялись, уважали старца. Выстояла эта твердыня и в последующих войнах, хранит и ныне свою красоту, крепость и мощь. Там же, в Борисоглебском монастыре, почилот и мощи святого старца.

Память Преподобного совершается дважды в году: 13 (26) января и 23 мая (5 июня). В монастыре ежегодно проходят Всероссийские Иринарховские чтения. А в этом году учащиеся борисоглебской школы № 2 посвятили памяти Святого конкурс своих рисунков, с некоторыми из которых мы знакомим читателей «Лампады».

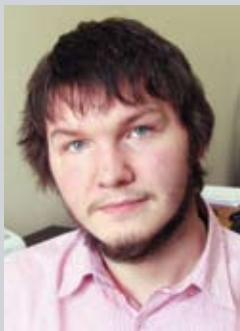

Скажите, пожалуйста...

 <i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i>	<i><u>Владимир Иванович Соколов</u> 82 года полковник медицинской службы в отставке</i> 	<i><u>Диакон</u> <u>Петр Пахомов</u></i> 	<i><u>Мария</u> 29 лет RP-специалист</i>
Как вы считаете: для чего дается человеку крест? Какие качества это в нем воспитывает?	Это трудности, которые даются каждому, и каждый с достоинством должен их пронести, не сломаться, быть, как говорится, с высоко поднятой головой.	Для терпения и веры.	Может быть много причин. Ну, чтобы мы научились чувствовать боль и понимать боль других. Наверное, для любви. И что-то еще, что мы до конца не понимаем.
Что такое, по-вашему, крест, который несет человек? Только страдания или вообще все, что составляет его жизнь?	Это все, что составляет его жизнь.	Вся жизнь. Радость ощущения Христа.	Мне кажется, все-таки крест больше относится к страданиям, что нам трудно нести.
Не случилось ли вам задумываться, насколько вы заслужили крест, который достался вам?	Да, конечно, неоднократно задумывался, но считаю, что все-таки правильное решение принял, что остался в храме.	Конечно, мы ропщем, кажется, что мы всего этого не заслужили. Как в той притче, что нам дается крест такой, какой нам нужен.	К сожалению, заслужила вполне.
Приходилось ли вам встречать людей, которые, как вам казалось, не несли креста?	Приходилось, особенно среди военнослужащих много было таких людей, которые не несли креста. Встречал я их.	Конечно, приходилось. Те, которые просто не знали, что есть крест и для чего. У них другое, по сравнению с верующими, отношение к жизни.	Нет, таких не знаю.
Какие чувства рождало в вас несение креста: отчаяние, раздражение, зависть к окружающим, решимость, благодарность Христу?	Решимость и благодарность Христу. Когда чувствовалось, что тяжело становится крест, все равно никогда не было отчаяния, ни раздражения, ни зависти к окружающим.	Где-то и отчаяние, и раздражение, и решимость. Зависти не было. Благодарность Христу – когда понимаешь, что это происходит с тобой не случайно.	Было и отчаяние, и раздражение, и зависть к другим. А когда понимаешь пользу креста, появляется благодарность Господу, что действительно это меняет нашу душу.
Что могло бы заставить вас отказаться от креста, который дал вам Господь?	Нет, ничто не заставило бы меня отказаться от Христа. Так я, во всяком случае, считаю.	Если знаешь, что крест – это то, что должен нести, как можно от него отказаться? Если ты понимаешь, что это все не случайно, значит, будешь его нести.	Не дай Бог от него отказаться! Не хотела бы от него отказываться. Даже не хочу думать на эту тему.

<i>Марина Геннадьевна</i> пенсионерка	<i>Валерий</i> 35 лет алтарник храма преподобного Сергия Радонежского в Бусинове	<i>Нина</i> 65 лет сотрудница храма	<i>Александр</i> 21 год студент
			
Воспитывает крест терпение, перенесение тягот, какие бы нам ни шли. Эти наши страдания – такие легкие по сравнению с тем, что перенес Христос.	Чтобы он осознал свое место в этом мире и понял, что без Бога ничего не сделать. Чтобы понимал, что это подражание Христу, Который тоже нес Свой Крест.	Порой задумаешься: ну зачем мне этот крест? А потом понимаешь: это во мне плохо, то надо исправить, мало смирения, терпения, понимания других людей.	Каждому человеку дается крест для спасения. Для каждого он свой – кому-то полегче, кому-то потяжелее, в меру его талантов. А их надо развивать, а не зарывать в землю.
Крест – это то, что нам Господь дает по силам: трудности, которые мы преодолеваем в жизни, страдания. Они нас закаляют, страдания душу очищают.	Крест – это радость для человека, что он может в чем-то пострадать ради Христа. Человек несет свой крест и чтобы осознать свою немощь.	Это все, что составляет жизнь, одно только страдание не может быть. Ведь Господь есть Любовь, и Он милосерд и не дает человеку нести больше, чем тот может.	Крест – это все, что составляет нашу жизнь, не только какие-то скорби, страдания, это и радости, несомненно. Все это наш жизненный путь, соответственно, наш крест.
Не задумывалась. Не могу сказать, что у меня такая тяжелая жизнь была, что мне в тягость были какие-то ситуации. Не было сильных искушений.	Конечно, задумывался. Бывало, печаль находила, но, слава Богу, благодаря молитве рассеивались эти мысли и приходило понимание, что крест – это твоя судьба.	Задумывалась, конечно, казалось, за что мне все это, а потом понимала: вот за это и за это. Так начинает приходиться понимание того, что ты из себя представляешь.	Ой! Иногда думаю, что вообще не заслужил, потому что крест – это дар от Господа, а я за свою жизнь не сделал ничего, достойного такой милости Божией.
Нет, таких людей я не встречала. У всех хоть небольшой крест есть. Неверующие люди, может быть, не понимают, что это дано во благо – переносить страдания.	Понимаю, что люди разные. Одни живут вообще без Бога и не ценят свой крест, а некоторые живут по вере в Бога и благодарят Его за то, что достался такой крест.	Казалось по-всякому. Я думаю, что каждый несет свой крест, и это справедливо.	Нет, мне кажется, таких людей нет, у каждого крест есть. Можно это признавать или не признавать, можно отрицать, но он есть у всех.
Есть только благодарность Христу, а не наказание никакое, потому что Господь не наказывает, мы сами себя грехами наказываем.	Разные чувства бывали: и раздражение, и зависть – все было. Наступали такие моменты, когда благодарил Бога за то, что случается все по воле Божией.	Все бывало. Но в конце концов понимаешь, что это именно то, что тебе нужно, тебе, и больше никому. Стараюсь быть благодарной Господу за то, что Он меня не забыл.	Бывало и раздражение, и решимость бывала. Отчаяния пока не было, слава Богу! Зависть вроде бы тоже не испытывал. Благодарность бывала, не часто, но бывала.
Нет, такого не может быть. Отказаться от креста – это страшно, страдания надо переносить с Божией помощью.	Не представляю. Люди, которые прошли через эти испытания, с легкостью могут претерпевать искушения и благодарят Бога, что крест у них такой, а не другой.	Если Господь дал крест, то как же от него откажешься? Ничто, наверное, не заставит. Что есть, то есть!	Я очень надеюсь, что такого не произойдет. Буду надеяться, что ничто не заставит отказаться от креста.

Крымский ковчежец

В редком православном храме вы не увидите небольшую деревянную, чаще забранную серебром, шкатулку, где под верхним стеклом в небольших окошках-иллюминаторах хранятся частицы мощей святых угодников Божиих. Шкатулка та именуется ковчежем. Подобно ветхозаветному Ноеву ковчегу, она напоминает о милости Господней и о том, что путь к спасению не заказан никому. Крымский полуостров с его следами пребывания первохристиан на этой земле тоже напоминает такой ковчежец.

«Смотрите под ноги!» — это предупреждение актуально в Крыму не только потому, что там дороги гористы, а ущелья глубоки. Если не на каждом, то почти на каждом шагу внимательно взгляду могут открыться следы веков минувших. А когда православный человек увидит среди камней и руин приметы существования здесь раннего христианства, сердце его непременно взволнуется. А как иначе! Ведь свет Христовой веры воссиял в Тавриде почти в то же время, когда Сын Человеческий ходил со Своей проповедью по галилейским городам.

Одним из самых почитаемых таврических святых в Средние века считался святой Симеон. С его именем связыва-

лась в Крыму первая христианская проповедь. По преданию, еще при земной жизни Христа в Херсонес прибыл некий праведник, который рассказал, что Господь ниспослал на землю Новый закон и что все чтущие Его должны направиться в Иерусалим. Один ученый иудей по имени Симеон отправился в Палестину и вернулся затем обратно в Тавриду, приняв христианскую веру. Изгнанный из города местной иудейской общиной, он вынужден был искать убежище в пещерах Инкермана, где совершил множество чудес.

Когда местный правитель послал в Инкерман отряд воинов с целью схватить святого, то они, увидев, как Симеон парит во время молитвы над землей,

не посмели его тронуть. Тогда враги подкрались к Святому во время сна, обезглавили его, а тело бросили в море. Позднее почитатели святого Симеона достали его тело из воды и перенесли в инкерманскую обитель.

Мощи святого Симеона видел в 1634 году посетивший Инкерман русский священник Иаков Лызлов, о чем он и рассказал в небольшом сочинении под названием «Повесть о мощах неведомого святого» («Повесть известная и удивления достойная о мощах неведомого святого, как обретенны они были и в каких странах, и в каком граде, и в которое время»). О том, что христианская проповедь в Крым пришла напрямую из Иерусалима, сообщают также жития святых епископов Херсонесских (они приезжали в Крым из Палестины).

Главным центром распространения христианства в Крыму был древний Херсонес (на Руси его называли Корсунь). Эта земля знала святого апостола Андрея, просветителя всего Севера.

Вблизи города можно было увидеть камень, на котором отпечатались ступни святого Андрея: когда прибывала морская вода и наполнялось углубление в камне, к нему устремлялось множество страждущих; они зачерпывали воду и омывались ею, получая исцеления от недугов.

Предание донесло до нас, что в Корсуні принял мученическую смерть святой Климент Римский. Его утопили в море по приказу императора Траяна. Когда тело мученика лежало в море, в дни его памяти воды расступались, чтобы открыть путь к гробу. Храм на одном из ближних к городу островков, сооруженный во имя Святого, много веков считался великой христианской святыней.

К месту погребения Святого не зарастала паломническая тропа. По ней ступали французы, ездившие в XII веке в Киев к Ярославу Мудрому, и известный средневековый путешественник монах Гийом Рубрук, немецкий путешественник XIII века Иоганн Шильтбергер и историк Дортелли д'Асколли. Вот так выглядит воспоминание о посещении этих мест Гийомом Рубруком: «Мы прибыли в область Газарию, или Кассарию, которая представляет как бы треугольник, имеющий с запада город, именуемый Керсона (Херсонес), в котором был замучен святой Климент. И плывя перед этим городом, мы увидели остров, на котором находился знаменитый храм, сооруженный, как говорят, «руками ангельскими»».

В конце III века новой эры на территорию Тавриды проникли готы. Это были чрезвычайно активные и жизнерадостные люди, прародина которых Скандинавия. Они удивляли своей необычной для здешних мест внешностью. Римский историк Корнелий Тацит сообщал об их «жестких голубых глазах», «русых волосах» и «рослых телах». Физически сильные от природы, закаленные в дальних путешествиях и обладающие отвагой прирожденных воинов, готы доставили немало хлопот Римской империи.

К началу IV века многие готы, населявшие Крым, уже исповедовали христианство. В 325 году новой эры под документами Вселенского Собора, состоявшегося в Никее, свою подпись рядом с подписью Кадма, епископа Боспора, поставил Феофил, епископ крымской Готии.

Недалеко от Херсонеса (современный Севастополь) находится и одна из самых древних христианских обителей России – Балаклавский Георгиевский мужской монастырь. Согласно преданию, монастырь был основан в 891 году греческими купцами, едва не потерпевшими кораблекрушение в Черном море, в районе мыса Фиолент. Во время бури корабль несло прямо на скалы. Предчувствуя неизбежную гибель, греки обратились с молитвой к великомученику Георгию Победоносцу, и произошло чудо: буря прекратилась, а на большом камне, находившемся примерно в десяти саженях

Каменный серафим Успенского монастыря – давний страж обители и ее окрестностей

от берега, купцы увидели в сиянии самого Святого. Когда явление исчезло, на этом камне греки нашли его икону. Высадившись на берег, в благодарность своему спасителю напротив того камня мореплаватели устроили пещерную церковь, куда поместили обретенный образ. Несколько наиболее набожных купцов остались жить при храме, что положило начало обители. По другой версии, спасенные от кораблекрушения греки поместили чудотворную икону не в устроенную

Каменные плиты с древним христианским орнаментом у входа в церковь Иверской иконы Божией Матери в Феодосии

Храм св. Димитрия в Феодосии. Возможно, автором его фресок был сам Феофан Грек

Плита с греческой надписью, датированной 1459 годом. Обнаружена при раскопках руин крепости Фуна в районе горы Демерджи

Скала Явления дала начало Балаклавскому Георгиевскому монастырю в районе мыса Фиолент

ими пещерную церковь, а в уже существовавший на берегу древний христианский пещерный храм.

Со II по IX век на крымской земле просияло множество христианских угодников Божиих. Среди них священномученики Херсонесские Ефрем, Василий, Евгений, Елпидий, Агафор, Еферий и Капитон, святая мученица королева Готская Гаафа и принцесса Дуклида, святые мученики Инна, Римма и Пинна, святитель Иоанн Готский

и другие. В этот период в Крыму строятся монастыри и храмы, обустраиваются под кельи отшельников горные пещеры.

Сегодня руины древних и средневековых христианских храмов и монастырей в Крыму можно обнаружить в самых неожиданных местах. Многие из них не обозначены на картах полуострова. Как-то в 2012 году мне довелось заняться изучением крымских святых источников. Я путешествовал автостопом, а там, где не может проехать даже хороший внедорожник, пробирался пешком. В Балаклавской долине в районе небольшого села Оборонное мне надо было найти источник, освященный в честь Иоанна Предтечи. Мой путь лежал по склону холма, поросшего довольно густым лесом. На поляне мне встретился лесник – приветливый молодой человек, который, узнав о цели моих изысканий, согласился проводить меня к источнику. Минут через десять узкая тропинка вывела нас на довольно просторное открытое пространство, на дальнем краю которого находилось каменное арочное сооружение, чьи своды прикрывали святой источник. На поляне также была обустроена купель для омовений и установлен православный поклонный крест.

Я помолился, испил святой воды и сделал некоторые записи в своем путевом блокноте. Мой спутник радушно предложил мне: «А хотите, я покажу вам остатки древнего христианского

монастыря? Они совсем недалеко отсюда». Пробравшись через густые заросли кустарника, мы выбрались на небольшую лесную плешь. Из-под ворохов высохшей листвы виднелись камни. Их было много, и все приблизительно равные. Внимательно присмотревшись, я заметил, что периметр каменной кладки похож на очертания небольшого храма. Мой гид сообщил мне, что год назад здесь работали археологи и что-то даже нашли. По их мнению, камни представляют собой остатки фундамента главного храма христианского монастыря, время основания которого относится к VII–IX векам нашей эры.

Подобные находки и открытия случались и позже. А в марте этого года на окраине Бахчисарая местные жители показали мне неплохо сохранившиеся руины средневекового христианского храма. Иногда здешние верующие приходят сюда помолиться и поставить свечи к частично уцелевшей алтарной части старинной церкви. Одновременно удивительно и радостно сознавать, что эти священные развалины обходят стороной вандалы, а жители близлежащих домов стараются поддерживать здесь строгий порядок и чистоту. Ну а вы, дорогие читатели, если приедете в эти места погостить, старайтесь все-таки внимательнее смотреть под ноги – вдруг и вам посчастливится случайно обнаружить каменный привет от наших далеких братьев по вере.

Детали храмовой постройки на окраине Бахчисарая. Не зная, можно и не заметить

Храм у Пречистенских ворот

В один из дней на излете апреля 1598 года Златоглавая была разбужена торжественно мощным колокольным звоном всех ее соборов и церквей: депутация бояр, духовенства и торговых людей Москвы вышла с хлебом-солью навстречу избранному на царство Борису Федоровичу Годунову. Радостное многоголосие поддерживал и гармоничный благовест колоколов красивого храма, ближайшего к месту события. О нем и речь.

Царя ждали там, где ныне поток машин перетекает с Гоголевского бульвара на Пречистенку и Остоженку. До революции Пречистенские ворота были одной из самых красивых городских площадей. Но какая площадь в дореволюционной России могла обойтись без православного храма? Вот он и стоял – храм Сошествия Святого Духа у Пречистенских ворот (альтернативное название – Покрова на Грязех). Первое упоминание о нем относится к 1493 году и связано с очередным великим московским пожаром. Храм же, дошедший до двадцатого столетия, построен был в начале девятнадцатого века и считался одной из главных достопримечательностей Москвы. В 1812 году в Святодуховской церкви у Пречистенских ворот освятили придел во имя Покрова – оттого эту церковь часто называли Покровской.

У церкви были замечательные соседи: в угловом с Пречистенкой доме напротив располагалась одна из московских булочных-пекарен знаменитого Ивана Филиппова, поставщика Двора Его Императорского Величества, пережившая советское время и лишь в последние годы отданная под какой-то очередной убогий магазин; на другой стороне бульвара в угловом доме находилась первая мужская гимназия, а с 1872 года – знаменитые высшие женские курсы Герье, ставшие первым московским высшим учебным заведением для женщин, эталоном женского образования, выпускавшие медиков, физиков, филологов.

Революция обрекла Святодуховскую церковь на уничтожение. Перед самым за-

крытием в ней служили известный московский диакон Михаил Астров и протоиерей Илия Зотиков, сподвижник Святейшего Патриарха Тихона, погибший в 1930-х годах во Владимирской тюрьме. Известно, что в храме Сошествия Святого Духа у Пречистенских ворот молились насельники Никитского монастыря (закрыт в 1929 году).

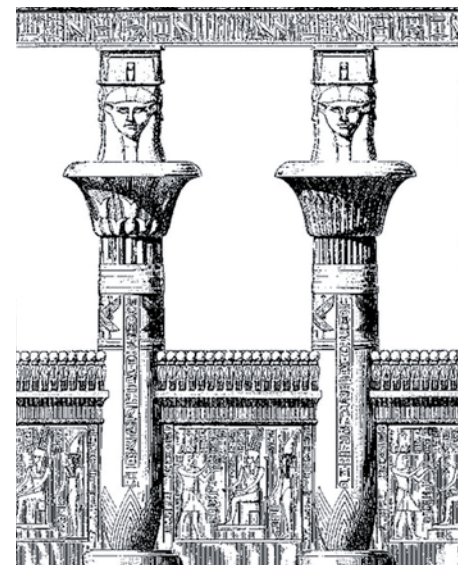
После того как церковь снесли, на ее месте в 1935 году соорудили павильон входа на станцию метро «Кропоткинская». Общий рисунок и очертания этой постройки настойчиво заявляли о ее нездешнем и даже экзотическом происхождении. И не случайно: автор проекта павильона станции метро архитектор А.Н. Душкин серьезно увлекался архитектурой древнего Египта. Существует апокриф, что Душкин якобы пытался обратиться в свою эстетическую веру самого Лазаря Кагановича, который курировал строительство метрополитена и чьим именем долгое время называлась столичная подземка. Говорят, зодчий сказал члену Политбюро ЦК ВКП (б): «Пусть эта станция будет как дворец для фараонов».

Так на месте православной церкви у Пречистенских ворот возникло странноватое сооружение, напоминающее древнеегипетские храмы в Карнаке или Луксоре. Обратите внимание на колонны: они напоминают колонны-светильники дворцов,

посвященных мертвым богам давно уже погибшей цивилизации. И еще дополнение – в мире нет ничего случайного! – сама станция носит имя знаменитого смутьяна-анархиста. Не тревожно ли? Демоны, в том числе и демоны революции, способны только разрушать. А сегодня есть силы, которые спят и видят, как их призвать к жизни в современной России. Не приведи Господь, как говорится.

Но оставим тревоги – у нашей страны, я убежден, есть ресурсы и возможности противостоять любым вызовам. Особенно – если мудро помнить об уроках недавнего прошлого. И в первую очередь – что сулит отказ от традиционных религиозных и нравственных корней: он приводит к омертвлению души народа.

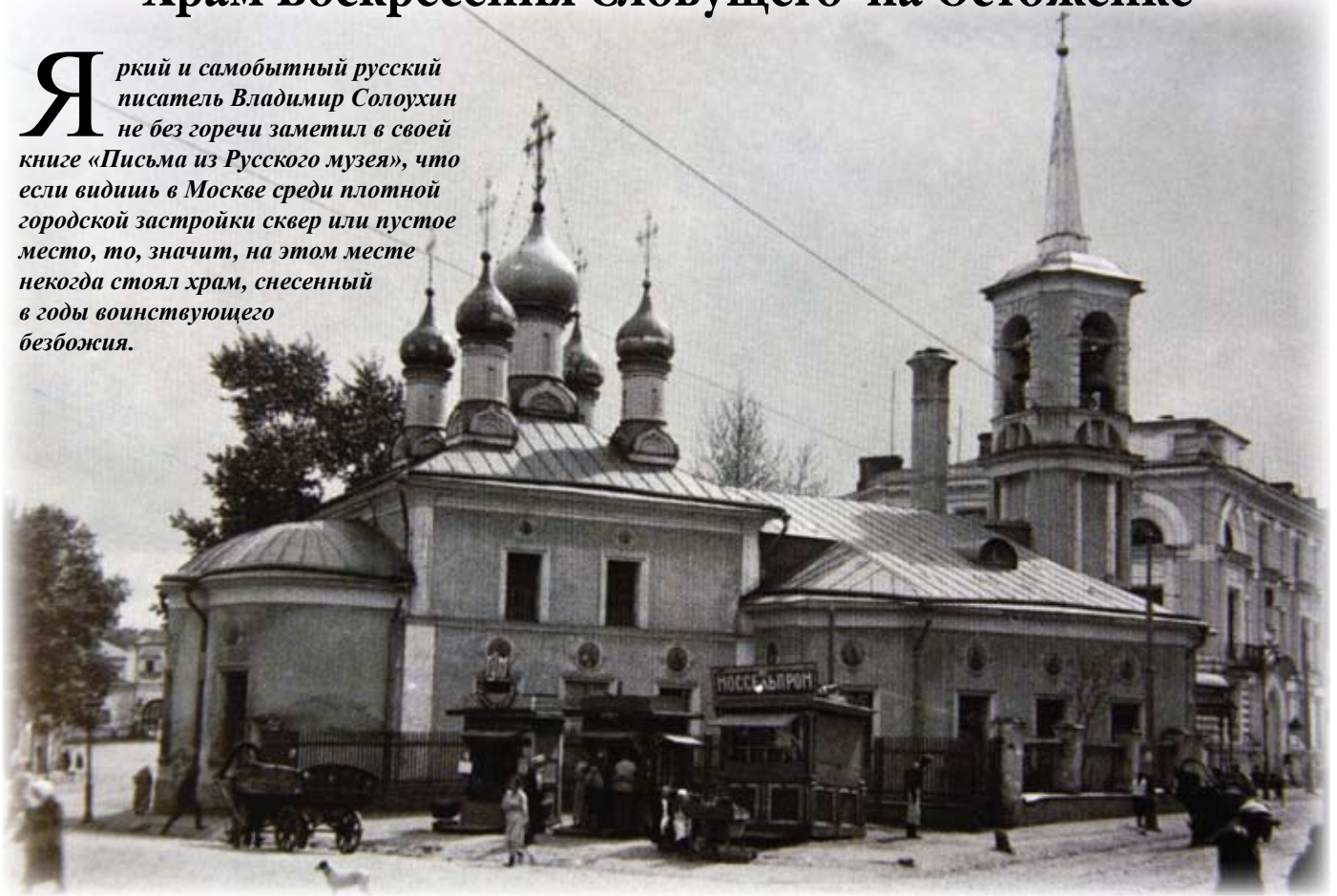
Древнеегипетские колонны совсем как у нас в подземке

Зодчий видел станцию «как дворец для фараонов»

Храм Воскресения Словущего* на Остоженке

Яркий и самобытный русский писатель Владимир Солоухин не без горечи заметил в своей книге «Письма из Русского музея», что если видишь в Москве среди плотной городской застройки сквер или пустое место, то, значит, на этом месте некогда стоял храм, снесенный в годы воинствующего безбожия.

Эти слова можно отнести и к небольшому скверу на улице Остоженка, там, где отходят 1-й и 2-й Зачатьевские переулки к Зачатьевскому ставропигиальному женскому монастырю. Именно на этом месте до 1935 года стоял храм Воскресения Словущего. То были земли Зачатьевской слободы, становление которой можно отнести к концу XVI – началу XVII века. В 1592 году Зачатьевский монастырь и его слобода вошли в городскую черту.

Основное население слободы в то время составляли монастырские священнослужители, причетники и крепостные монастырские крестьяне. Все население делилось на приходы. Приходскими же храмами были и церкви Воскресения Словущего на Остоженке и Николы в Киевцах.

В конце XVII века Воскресенский храм был кирпичным, о пяти главах, имел трапезную часть с Покровским приделом и шатровой колокольной, то есть был типичным для московского посадского зод-

чества тех лет. О том, как выглядел фасад, можно судить по сохранившемуся храму Симеона Столпника на Поварской, а о кокошниках – по церкви великомученика Георгия, что на Варварке.

Много стараний и усердия для благоустройства церкви приложил в свое время настоятель Георгий Васильев. Известно, что в 1800 году он вместе с прихожанами начал строить трапезную с двумя приделами и колокольной. Его обращение к митрополиту Московскому Платону (Левшину) – «По прошению священника о дозволении продать оной церкви ветхое серебро и жемчуг и деньги употребить на трапезу и колокольную вновь строящиеся» – несмотря на архаичность изложения, право же, звучит вполне современно, по-рыночному.

Переписка длилась довольно долго. Нам она интересна тем, что из подписей под прошениями, ходатайствами и прочими бумагами можно составить представление о том, кто был среди прихожан

Воскресенского храма. Одна из наиболее примечательных фигур – генерал-майор Гавриил Ильич Бибилов (1746–1803). Это был многогранно талантливый человек, широко известный своими родственными связями и творческими увлечениями. Сестра его, Екатерина Ильинична, была замужем за фельдмаршалом Михаилом Илларионовичем Кутузовым. По сведениям Ф. Синельникова, первого биографа полководца, Кутузов впервые увидел будущую невесту, когда она была еще 13-летней девочкой. Спустя восемь лет он повел свою избранницу под венец.

Генерал Г.И. Бибилов владел усадьбой на Пречистенке, расположенной недалеко от Храма Воскресения Словущего на Остоженке. Адрес этой усадьбы (Пречистенка, дом 17) известен многим любителям истории Москвы времен императоров Павла I и Александра I. Гавриил Ильич был страстным меломаном и постоянно проводил в своем дворце на Пречистенке очень популярные в городе музыкальные вечера. Бытописатель Златоголовый Андрей Болотов упоминал об этом в таких словах: «В особенности щеголял музыкою генерал Гаврило Ильич Бибилов».

* От глагола «слыть», быть известным, не в смысле знаменитым. Словущее Воскресение – так называется в простом народе день, посвященный церковью торжественному воспоминанию освящения храма, построенного Константином Великим на Голгофе в память преславного Воскресения Христова и освященного собором в 13-й день сентября (Прот. Григорий Дьяченко. Полный церковно-славянский словарь. 1898 г.).

Увлечение Бибикова перешло и к его крепостным. Один из них, мужик Данилка, вошел в историю как Даниил Никитич Кашин, композитор, пианист и дирижер, а также собиратель фольклора. Газеты писали о Кашине: «Он подслушивал их (русские народные песни. – *Ред.*) и у ямщиков на большой дороге, и у русского мужика в поле, узнавал их в голосе Сандуновой». Русский историк и писатель Сергей Глинка говорил о Данииле Никитиче: «Он душою выражал звуки родные». Проживал же Кашин здесь, в усадьбе на Пречистенке, и, по-видимому, также был прихожанином Воскресенского храма на Остоженке.

В 1856 году настоятелем храма стал протоиерей Григорий Смирнов-Платонов (1825–1898). Он основал при храме приходское попечительство о бедных, одно из самых первых в Москве. Учредил церковную школу, собрал богатую приходскую библиотеку. Человек энергичный, редких природных дарований и высокой учености, бывший профессор духовной академии, он одно время также издавал один из лучших богословских журналов того времени «Православное обозрение».

В начале ноября 1917 года Воскресенская церковь оказалась в центре боев между красногвардейцами и юнкерами. Остоженку перегораживали баррикады. На колокольне революционеры организовали огневую точку, откуда обстреливали штаб Московского военного округа. В ходе боев были повреждены главы церкви (впоследствии отремонтированные).

В истории храма есть страница, связанная с именем Святейшего Патриарха Тихона. 13 января 1925 года нездоровье привело его в частную клинику А.И. Бакунина, которая находилась неподалеку от Воскресенского храма. Несмотря на запреты врачей, Предстоятель Русской Православной Церкви принимал посетителей, выезжал на богослужения в

московские храмы. 21 марта он служил всенощную с выносом креста (был Великий пост) в храме Воскресения Словущего на Остоженке, недалеко от клиники Бакунина. На уговоры врачей побережись Святейший ответил, что после смерти достаточно еще успеет полежать, а сейчас он не имеет права уклоняться от работы. 7 апреля 1925 года, через две недели с небольшим, Святейший Патриарх Тихон отошел ко Господу.

Сколько удивительных имен, судеб и событий связано с храмом на Остоженке! О нем можно было бы написать книгу, а возможно и не одну. Стерев храм с карты Москвы, большевики совершили не просто святотатство – они покусились на богатейший слой интеллектуальной и духовной культуры страны, поскольку он был тесно связан с остоженской церковью и примыкающими к ней районами столицы. Без понимания этого не может быть и подлинного покаяния. Трагические последствия большевистской политики уничтожения как никто понимал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Летом 1986 года с трибуны съезда Союза писателей СССР он сказал: «Агрессивно беспамятны те, кто взорвал гробницу Багратиона на Бородинском поле и построенный на народные деньги в честь победы над Наполеоном Храм Христа Спасителя, те, кто запрещал читать Ахматову, Цветаеву, Гумилева, Пастернака, Платонова, Зощенко, Ходасевича, Клюева, Набокова <...> еще не до конца оценен тот вред, который был ими нанесен нашей культуре, нашей нравственности, нашему патриотизму!».

Сегодня у нас, похоже, есть исторический шанс вернуть на Остоженку храм Воскресения Словущего, стерев тем самым еще одно черное пятно в нашей истории. Приписанный в XIX веке к Зачатьевскому монастырю, храм вполне мог бы сохранить свой прежний статус. На

Именно здесь до 1935 г. стоял храм Воскресения Словущего

официальном монастырском сайте можно прочесть:

«Насельницы Зачатьевской обители низко кланяются и приносят молитвенную сердечную благодарность всем, кто пожелает внести свою лепту в благое дело воссоздания храма Воскресения Христова. Да будет ваша лепта драгоценным даром перед Господом, воздающим каждому по делам его!».

Реквизиты для пожертвований:

ИНН 7704101576

КПП 770401001

ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва

р/с 40703810510070539501

к/с 30101810400000000555

БИК 044525555

К сему: ваш Архивариус

Сквер на Остоженке

Здание частной клиники Бакунина

...И тьма не объяла его Жизнь, которая стала житием

Как рассказать о человеке, с которым не только не был знаком лично, не только никогда не видел его, но и узнал-то случайно? Совершенно верно: трудно. Так, может, и не надо? – вопрос напрашивается

сам собой. Но наготове ответ: надо. Надо для окружающих, для самой себя. Потому что, когда неравнодушно прикасаешься к этой жизни, словно сам проживаешь ее заново. А такое дорогого стоит.

ЛАМПАДКИ

Свою первую встречу с архимандритом Германом (Красильниковым) протоиерей Григорий Белоус описывает так:

– Мы очень рано приехали в Шеметово, вошли в храм, там была полутьма. Внутри увидели священника, который зажигал лампадки...

Таких сценок много в книге «Отец Герман из шеметовского храма», ее первые главы – дипломная работа выпускника Московской духовной семинарии Германа Янгичера. Она посвящена служению скончавшегося более 30 лет назад настоятеля храма Казанской иконы Божией Матери села Шеметово. Большая часть – рассказы людей близких или малознакомых, духовных чад или просто деревенских жителей. Вспоминают о нем похожими словами – строг, но добр, требователен к соблюдению Устава, заботился о порядке в храме... Понимаешь: это и есть самые заметные черты настоятеля. Вроде бы мелочь – лампадки, но скольким же людям запомнилось, как батюшка перед службой с полотенцем в руках и кошкой на плече обходил храм, протирал их все и старательно чистил фитили! Просто трогательные эпизоды заботы о порядке в храме? Или за ними кроется нечто большее?

– Отец Герман ярко представлял целую плеяду духовников – таких как архимандриты Софроний (Сахаров), Сера-

фим (Тяпочкин), Иоанн (Крестьянкин), Кирилл (Павлов), Исая (Каравай) – духовных светочей второй половины XX века, которые светились каким-то особым светом, способным зажигать души в непростое время духовного пробуждения... – читаем в воспоминаниях протоиерея Григория Логвиненко. И это сравнение тоже так или иначе присутствует в разных воспоминаниях.

– На фотографиях тех времен все серо, а видно, что этот человек отличался от остальных, обремененных, мятущихся... – протоиерей Григорий Логвиненко рассуждает об особом типе святости – о духовном свете. Каким же был человек, который своим внутренним светом освещал путь другим?

СВЕТ В ДУШЕ

О родных, детстве и юности отца Германа известно мало, в основном от тех, кому в зрелости он редко и понемногу рассказывал о своем прошлом. Не очень ясно даже, какого происхождения был будущий архимандрит, в миру Андрей Красильников 1907 года рождения. В метрической книге записано, что родители его – крестьяне. А в воспоминаниях одного из духовных чад сохранились слова самого батюшки, что он из дворянского рода. Но как мог ребенок из дворянской среды попасть в крестьян-

скую семью, представить теперь невозможно.

Рассказы о мальчике, с детства убежавшем из дома в храм, выглядят как житие будущего подвижника. Духовная дочь отца Германа Нина Борисова приводит его же рассказ. Болезненный с детства, в 15 лет он захворал так, что местный лекарь предрек неминуемую кончину. А Андрюша начал тайком, своими словами молиться на икону Богородицы, которую ранее забрал из разоренной церкви и прятал в сарае. Болел он долго, и однажды наступил кризис: подросток ничего не ел три дня и почти не приходил в сознание. «И вот тогда, когда все смирились, что он умирает, в полусне, без сознания, он увидел Женщину, Которая была изображена на той иконе, – описывает чудо Нина Борисова. – Она протянула к нему руки. В ответ он тоже потянул свои руки к Ней. Стало лучше, жар прошел, дыхание нормализовалось, появились силы...».

Спустя шесть лет после первой болезни он вновь тяжело захворал. И вновь, как рассказывает Татьяна Янгичер, чудо: ему во сне явился Серафим Саровский. Тогда-то юноша и дал обет: если выздоровеет, примет иноческий постриг. У домашних он, похоже, поддержки не нашел. После школы Андрей уезжает в Новосибирск, а потом, как ни странно, в Среднюю Азию. На поиск духовной опоры и единомышленников.

Здесь началось тридцатилетнее непрерывное служение отца Германа

ДВАЖДЫ ИЕРОМОНАХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В 20–30-е годы XX века Средняя Азия была местом ссылки духовенства, туда ехали и добровольно, спасаясь от репрессий. Там осели видные священнослужители: епископ Гурий (Егоров), будущий митрополит Иоанн (Вендланд), митрополит Антоний (Мельников), епископ Лука (Войно-Ясенецкий) и многие другие. Андрей знал, куда едет. Правда, и об этом периоде его жизни известно очень мало – батюшка был скуп на рас-

сказы и осторожен, вероятно, сказывался опыт жизни в тайных церковных общинах в те страшные годы. Неизвестно, где и как познакомился Андрей Красильников с епископом Бирским Вениамином (Троицким), который в 1930 году в Уфе совершил над ним монашеский постриг. Владыка возглавлял Уфимо-Уральскую автокефальную епархию катакомбной церкви, не принявшей Декларацию 1927 года, и окормлял общину в Ташкенте. Сохранилась небольшая записка владыки от 1934 года, адресованная «Возлюблен-

ному сыну моему о Господе, иноку Герману». В том же году в городе Мелекессе он был рукоположен во иеромонаха.

Рукоположение в жизни отца Германа повторится. После войны государство ослабило давление на Церковь. В Среднеазиатскую епархию был назначен епископ Гурий, активно занявшийся восстановлением церковной жизни и подбором духовенства для открывавшихся храмов. Отец Герман решил открыто поступить на церковное служение и обратился к владыке за благословением. Московская Патриархия не признала первое рукоположение, и в 1947 году таинство над отцом Германом было совершено вторично.

Пастырское служение началось с искушений. Сперва болезнь горла помешала служить в Успенском кафедральном соборе, куда он был назначен. Пришлось на четыре года вернуться к светской работе – в зоопарке, в школе, на экскурсионно-туристической станции Ташкента. Лишь в 1951-м, поправив здоровье, иеромонах Герман получает назначение в храм преподобного Сергия Радонежского в Фергане. Однако и там не случилось задержаться надолго, на чем и завершился азиатский период его жизни.

В ШЕМЕТОВЕ

Этот старинный подмосковный храм (возведен в 1676 г.) – один из двух действующих на весь советский Загорск и его район, не считая вновь открытой Троице-Сергиевой лавры. Сейчас сложно представить, чего стоило верующим попасть на службу хотя бы в праздники. Те, у кого в Шеметове были знакомые или родня, приезжали с вечера, а кто-то спозаранку шел пешком несколько километров, чтобы успеть к литургии. Прихожанами, как и всюду, были преимущественно пожилые женщины, за что отец Герман в шутку называл их «бабкомом». Тайные крестины и венчания при закрытых дверях, по ночам – тоже типичная примета того времени. Как, впрочем, и такое: Успенский пост, а напротив храма на улице уже гремит музыка и накрывают столы, чтобы отпраздновать свадьбу. Советские новобрачные, прокатившись по окрестностям, решают от нечего делать заглянуть и в храм – и священник благословляет их, не укоров за свадьбу в неурочное время. Пройдут годы, и та самая невеста сама делается старостой в шеметовском храме.

С местными отец Герман ладил, даже если те не ходили в храм. Дети свободно рвали сирень в его палисаднике, а местных пьянчуг жалел и давал работу. Без отопления, крыша течет, из алтаря с утра приходится вычерпывать воду – шеметовский храм, увы, не был исключением. Настоятель перегораживал помещение пополам, чтобы сохранялось тепло, проводил отопление, сбивал штукатурку и

Батюшка в шутку называл своих прихожан «бабкомом»

пропитывал стены горячей олифой, чтобы справиться с грибком. Сам шил облачения и пек просфоры. И постепенно некогда умиравший храм стал поражать красотой и благолепием. Об отце Германе можно с полным правом сказать: человек на своем месте. Опыт биолога он применял, разводя в сторожке попугайчиков и высаживая на клумбах надписи из цветов «С нами Бог» – такой у него был оригинальный способ проповеди.

ШКОЛА В СТОРОЖКЕ

Ныне протоиерей Иоанн Сибиря в ту пору отзывался на Ивана с Украины и год до поступления в семинарию работал истопником в котельной при храме. Он был не единственным духовным чадом отца Германа, избравшим такой путь. Те, кому не удалось поступить в семинарию, нередко оставались здесь, близ лавры, – жили в сторожке при храме, трудились в котельной, помогали на клиросе и получали от настоятеля рекомендации в семинарию.

– Кто у него выдерживал, тот поступал, – вспоминал протоиерей Григорий Белоус. За этими словами скрывалось многое, и прежде всего внимательность и строгость. Испытывал своих подопечных на сребролюбие: например, просил отправить почтовый перевод, дав большую, чем следовало, сумму, и ждал, вернут ли излишек. Требовал неукоснительно соблюдать устав, посты, не допускал ни сокращения служб, ни ошибок при чтении. Хвалил редко: вредно для души. И щедро раздавал за любые недочеты десять, сто поклонов.

– Без благословения я не мог, например, надеть цветную рубашку или выйти за ограду. Зная мой характер, он держал меня, как необъезженную лошадь. Жизнь у отца Германа была для меня настолько трудным и одновременно полезным испытанием, что потом, в семинарии, мне показалось, что я вышел на свободу, – вспоминает один из бывших обитателей сторожки. – Правда, как я позднее узнал, не все выдерживали у отца Германа подобную монашеско-приходскую практику. Но для меня это был очень хороший урок.

Настоятель был строг не только к будущим клирикам. Воспоминания его духовных чад из мирян тоже порой вызывают оторопь. Вот, например, матушка Татьяна Янгичер с мужем, еще молодые тогда люди, Успенским постом поехали в гости к своим нецерковным родителям и из уважения отведали мясное блюдо, специально приготовленное для них. «Батюшка же сказал, что по любви мы, ко-

Прими, Господи, душу раба Твоего в селения Свои

нечно, правильно сделали, но надо было подумать раньше, как этого избежать, например не ходить в гости постом, и назначил (тогда еще Володе) 1000 поклонов, а мне велел молиться словами покаянного канона, так как я ждала ребенка».

Было в нем что-то такое, что не обижало даже гордую комсомолку Таню Янгичер. Как, впрочем, и других не обижала его жесткая требовательность. А секрет – вот он: батюшка не считал зазорным и сам смиренно попросить прощения, если бывал неправ. И что важно: он точно знал, кому какая мера строгости нужна. Например, той же Татьяне, которой досталось за мясное блюдо в пост, батюшка в течение десяти лет благословлял читать утром и вечером короткое правило Серафима Саровского, поскольку семейной женщине, живущей в деревне, с большим хозяйством, сложно вычитывать длинные молитвы.

Отец Герман ни от кого не требовал ничего, чего не делал бы когда-то сам. Касалось ли это богослужения, или обустройства церковного быта, или реставрирования храмовых росписей и икон. Строгости отца Германа нам, расслабленным, теперь кажутся странными и излишними для современной церковной среды, но мы забываем, что это – прежде всего – показатель высоких требований, предъявляемых к самому себе.

– В наше время подобное уже не воспринимается священниками. Это дореволюционная школа преданных Церкви и народу людей. Эти люди не шли ни на какие компромиссы, у них была со-

весть, – протоиерей Роман Кметь прошел шеметовскую школу отца Германа и знает, что говорит. – Я жил в сторожке, в зале, и видел постоянно, как он молился вечером, как ложился, как вставал. С утра встанет и идет в храм, целый день там проводил. Здесь батюшка показал образ пастыря – каким должен быть священник.

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ ИКОНЫ

По рассказам духовных чад, у отца Германа был дар прозорливости. Кому-то он не советовал жениться или идти в монахи, выбирать то или иное жизненное занятие. В другой раз раньше медиков говорил женщине, что она ждет ребенка. А порой предчувствовал даже будущее страны. Советы эти, как исполненные, так и неисполненные, в итоге оказывались верными. Он словно читал мысли.

Нонне Андреевне Матвеевой из регентской школы, что при Московской духовной академии, отец Герман благословил собирать мате-

риалы к жизнеописанию деда, архиепископа Александра (Трапицына). Это был 1982 год, когда государство все еще стояло спиной к Церкви. Зато к началу 90-х, когда начались поиски материалов о репрессированных священниках, у Нонны Андреевны все было готово, и ее дед был прославлен в лике новомучеников и исповедников Российских.

В своей сторожке и спальне батюшка собрал множество икон из заброшенных и разоренных храмов и старался привести их в порядок. Кто-то удивленно спросил, зачем столько икон, если их даже ставить приходится в несколько рядов. И услышал: «Сейчас время собирать иконы, но придет время, когда их будут раздавать по храмам, которые откроются. А батюшкам уже не нужно будет их реставрировать». А ведь так оно и вышло!

Отец Герман умер от отека легких 1 октября 1985 года. Болел уже около пяти лет, так что неожиданностью эта кончина, конечно, не стала. Но потеря была велика – не только для тех, кто считал себя духовными детьми батюшки, но и для прочих жителей округа. Однако его поддержку они чувствуют и после его смерти. Староста храма Александра Яковлевна до конца жизни ощущала духовную связь с батюшкой. И многие в своих воспоминаниях говорят о том, что чувствуют: отец Герман молится о них. Тридцать два года он простоял у земного престола в шеметовском храме. Теперь, верится, он стоит у Престола Небесного.

Да, у Бога нет мертвых, и житие отца Германа – тому подтверждение.

Дмитрий Шеваров

Правда в том, что мир лежит во зле, но это не вся правда

Биография автора, напечатанная на «спинке» книги, напоминает притчу: «Игумен Варлаам родился в городе Горьком в семье партийного работника. По окончании университета по специальности “квантовая радиофизика” работал в НИИ радиосвязи, в лаборатории медицинской кибернетики, преподавал высшую математику... Окончив аспирантуру, занимался структурным распознаванием образов... В 1995 году поставлен настоятелем монашеской общины...».

На книгах, адресованных дошкольникам, часто пишут: «Для чтения взрослыми детям». На книжке¹ игумена Варлаама я бы написал: «Для чтения взрослыми, которые сохранили в себе детское сердце». Все в ней, начиная с обложки, где по небу летит кот с прижатой к сердцу рыбкой, выглядит странным: и непривычное имя автора – игумен Варлаам, непривычное слово-название – «Кампан», жанр – сказки и сказки... Странны и герои: сердобольная Изюминка, грозный Чернослив, Серебряный Ротан, Сверчок с ореховой скрипочкой, Фиалка, Шоколадный Человечек и даже Губка для мытья посуды...

Выпустило в свет эту необычную книгу издательство «Время», одно из самых серьезных московских издательств (именно оно выпускает собрания сочинений А. Солженицына, Л. Чуковской и С. Алексиевич).

Сегодня игумен Варлаам у нас в гостях.

– Долго искал в литературе родственные явления и, кажется, нашел: Льюис Кэрролл и наш Сергей Козлов. Как вы относитесь к таким «родственникам»?

– Льюис Кэрролл? У него в сказках настоящая математика – разные пространства, множества-единства... Нет, свои вещи я рядом не поставил бы. У меня все проще, даже примитивнее. Но если вы серьезно находите что-то родственное, то меня это вдохновляет. О сказках Козлова много слышал – «Ежик в тумане» у всех на слуху, – давно собирался их прочитать, но пока не успел.

– Ваше служение, полное хозяйственных забот, кажется, менее всего располагает к сказочному восприятию жизни...

¹ Игумен Варлаам. Кампан: сказки и сказы. Рисунки Софьи Липиной. Оформление Валерия Калныныша. Москва: Время, 2016.

Игумен Варлаам – о сказках в литературе и в жизни, о людях трудной судьбы и о том, почему в любой ситуации важно оставаться... изюминкой.

– Да, в нашей реальности мало сказочного: у нас печное отопление, дрова сами заготавливаем, уголь покупаем, нет ни газа, ни водопровода, питьевую воду приходится привозить... Одна наша прихожанка однажды написала мне такое поздравление:

Утро туманное, утро седое...
Некогда вспомнить и время былое:
Службы, визиты, день целый заботы,
Не посидеть Вам в тиши без работы,
Книгу открыл – тут же в дверь

постучали:

В трапезной воду опять отключали.

В корпусе братском проблемы

с котельной,

Трудник идет – просит крестик

нательный.

Чадю духовное шлет эсэмэску,

Просит ответа скорее. Стамеску

Ищет рабочий: «Вчера тут оставил.

Вы не видали?» – следов понаставил

В комнате чистой. Опять убираться...

Хочется крикнуть, а нужно смиряться,

Каждый внимания ждет,

снисхождения –

Вот оно, тяжкое бремя служенья...

Так что в нашей жизни очень много всяких трудностей, но, с другой стороны, сказка – она рядом. Точнее сказать, внутри нас.

– С ходу, пожалуй, и не сказать, для кого вы пишете – для детей или для взрослых? Как вы сами считаете?

– Когда мне что-то хочется написать, я не думаю, для кого – для маленьких или для больших. Порой происходит неожиданное:

данное: сложную для восприятия сказку, например «Кухарка короля», самостоятельно и с интересом прочитала шестилетняя девочка. А некоторые, казалось бы, совсем простые сказки находят живой отклик у взрослых.

– Жизнь слишком трудна, плохие новости всем надоели, вот мы и тянемся вслед за детьми к сказке, к несбыточному. Не так?

– То, что пишу я, – это не совсем сказка. Там мало волшебства, каких-то превращений. Я хочу сказать о внутреннем мире человека через истории, происходящие со зверями или предметами. Ведь страсти, живущие в нас, издавна уподоблялись животным: лукавство сравнивалось с лисцей, которая роет норы в нашем сердце, злые мысли – с волком... А несбыточное, но очень желаемое, вполне может состояться, и если не в этой жизни, то за ее пределами. Для своих героев я всегда ищу выход через трудности и страдания к обнаружению в себе светлого начала, искры Божией.

– А когда вы написали первую сказку? И при каких обстоятельствах?

– Приняв монашество, я оставил литературное творчество, к которому имел склонность с юности. Но однажды в девятностные годы я писал письмо одному человеку, и вдруг прямо в письме у меня сочинилась сказка «Кампан». А когда мы в монастыре решили выпустить альманах «Обитель Слова», увидевший свет в 2000 году, и меня попросили дать для него материал, я вспомнил, что еще в 1980-х годах хотел написать сказку про сверчка. Так появилась вторая сказка.

– Судя по вашей биографии, вы были довольно успешным человеком в науке. Почему вы ушли из мира и стали монахом? Что произошло?

– Конечно, были внешние обстоятельства, которые этому способствовали, но главное в другом. Несмотря на мои занятия физикой, математикой, отчасти кардиологией, годам к тридцати я понял, что меня по-настоящему интересует не устройство и работа сердца – процессы, которые можно описать с помощью формул, а только душа человеческая. Я читал много художественной литературы, а потом и духовной, и с какого-то момента ощутил, что мой интерес к религиозной жизни пересилил все остальное. Когда я уехал из родного Горького по работе в

Ленинград, то обнаружил там больше возможностей для уединения, для вхождения в церковную жизнь. А в 1991 году весь Великий пост провел в Ермолине...

– **И как же вы попали в эту тихую деревню?**

– Впервые меня привез туда на Пасху мой питерский приятель, это было еще в 1988 году. В Ермолине – маленьком тихом селе из тридцати домов – был один из трех храмов Ивановской области, который никогда не закрывался. Там служил отец Антоний, тогда молодой священник, закончивший московский институт, но вскоре посвятивший себя церковному служению. К нему в храм приезжало много людей, ищущих, думающих, тянущихся к Богу.

Места в самом Ермолине не оказалось, и меня поселили в пустом доме в соседней деревне Попадинки, за два километра. И каждый день утром я шел в храм по березовой аллее, которую называют Ектерининским трактом, вечером возвращался. Пасха была очень ранняя, темнело быстро, я шел в одиночестве, молился и ощущал, как «звезда с звездой говорит».

В Ермолине начал читать на церковнославянском, петь на клиросе. Я почувствовал, что православие – это мой дом. Какой-то сложился завет с Богом где-то глубоко в сердце. А глубокий мир сердца достигается лишь на внутреннем пути, через страдание и по Божьей благодати. И поэтому для меня в той ситуации самым легким было стать монахом.

– **Самым легким?! Неужели все бросить – это легко?**

– Понимаю, о чем вы. Моя мама очень переживала, что я загубил свою научную карьеру. Правда, работу я сразу не бросил, довел до завершения свою тему, хотя наш духовник отец Антоний сразу после Пасхи 1991 года предлагал мне остаться, принять постриг. Но у меня были перед другими людьми обязательства, которыми я не мог пренебречь. И я сказал отцу Антонию, что уеду, а там уж как сложится. И так прошли еще почти два моих года в миру.

– **А потом?**

– Приехал в Ермолино и прожил там восемь месяцев, чтобы понять: есть Божья воля на монашество или нет.

– **Просто ждали ответа свыше?**

– В каком-то смысле – да. К этому времени при ермолинском храме сложилась небольшая община. Мы, интеллигенты, закоренелые горожане из Москвы, Питера, Иванова, были непривычны к деревенскому быту, но при этом все делали сами. Заготавливали сено, кололи дрова, сажали картошку, даже коров доили. Мне выпало убирать на скотном дворе.

– **После НИИ, аспирантуры – навоз?**

– Меня это не угнетало. Я ведь в юности в Саянах работал в геологоразведочной экспедиции, а когда преподавал математику в институте, подрабатывал дворником. Эта работа учила меня преодолевать себя. Надо же встать в пять утра, перекидать тонну снега. Но потом, когда ты убрал и глядишь вокруг, то ясно ощущаешь: ради такой минуты чистоты в этом мире, чистоты, к которой ты оказался причастным, – ради этого стоит подниматься в пять утра и два часа махать лопатой. Так что после дворничества навоз уже не пугал. Наоборот – такая работа была по душе...

– **Но получилось, что вы ушли от мира, закрыли двери, а мир вломился к вам через окно. Все эти годы вам в Ермолине приходится иметь дело с людьми неустроенными, иногда просто социально опасными.**

– Только со стороны может показаться, что монаху легко уйти от зла – заперся себе в келье, никого не видишь, и тебя ничего не касается. Это иллюзия. Во всяком случае, в моей жизни такого не произошло. Вот говорят: «духовное лицо». Но я бы не хотел быть духовным только по сану...

К людям трудной судьбы, да, собственноручно, и к другим тоже, у меня двойное отношение. Когда во мне есть жизненные силы, благодать, они мне интересны. Но, в первую очередь, хочется увидеть отношения человека с Богом.

– **А разве их можно увидеть?**

– Не физическим зрением, конечно. Когда человек приходит и начинает рассказывать о себе, то вольно или невольно дает оценку собственным действиям. Говорит либо о своих ошибках, либо – об обстоятельствах и людях, которые мешали ему правильно жить. И в этих оценках просматриваются соответствующие устроения сознания, свидетельствующие в том числе и об отношениях человека с Богом. Жива ли совесть как голос Божий в человеке, слушает ли он ее? Вот если удастся мне это почувствовать, увидеть, человек сразу приобретает особую ценность в моих глазах. Если же ничего подобного не просматривается, и по моей близорукости тоже, остаюсь к человеку равнодушным. Дальнейшие отношения с такими людьми складываются в зависимости от их работы и взаимодействия с окружающими. В коллективе, где живут так тесно и видятся друг с другом каждый день, каким бы человек ни представился в первый момент (не пью, хочу оставить мир и т. п.), буквально в ближайшее время вылезают наружу все его страсти и несо-

вершенства. Если человек готов работать над собой, бороться со своими наклонностями, он остается. А коль хочет жить по-своему, по своим «страстям и похотям» – с такими приходится расставаться.

– **Чем же Ермолино притягивает бродяг, скитальцев, людей, потерявших все – жилье, семью, здоровье?..**

– В середине девяностых к нам приходило много людей, освободившихся из тюрьмы. Они и пили, и воровали... чего только не было! С одной стороны, было жалко этих людей, потерянных, никому не нужных, и мы давали им шанс изменить свою жизнь. С другой стороны, шли стройки, развивалось хозяйство – все это требовало работников. Потом из одного реабилитационного центра нас попросили взять наркомана. Приехал один, другой, потом третий...

– **Вы не боялись такого соседства?**

– Соседства не было – эти люди оказывались внутри братии. И мы на них смотрели как на братьев, а не как на наркоманов. Да, заблудшие, оступившиеся, но – братья. У каждого из нас есть какая-то страсть, у них вот такая... Конечно, процент выздоровлений был небольшой, но ведь и два-три спасенных – это чудо. Они выздоровели и уехали, работают, создали семьи. Иногда заезжают – Федор, Сергей, Леша...

– **Ваша сказка «Жил на свете мальчик», кажется, вещь отчасти автобиографическая – сказка поколения? Очевидно, вы были похожи в детстве на этого мальчика, который во время школьных перемен стоял у окна, в то время как остальные бегали?**

– Да, в некотором смысле это автобиография поколения.

– **По этой сказке получается, что за жизнь мы много раз умираем: в подростковом умирает ребенок, в юноше – подросток, во взрослом мужчине – юноша. Это какая-то уж очень грустная история. Хочется верить, что в душе мы еще способны оставаться детьми...**

– Мне хотелось отразить два процесса. Один – это умирание в растущем человеке чего-то неверного, временного, например примитивных представлений о жизни, о добре и зле, о людях, детских страхований.

А другой процесс – очищение, или освобождение, некоего кристалла души, чистого, незамутненного еще никакими житейскими наростами, который обязательно должен быть в глубине каждого человека. Глядя через этот кристалл, человек устремляется к первоначальному состоянию благодатного богосыновства, когда Бог открывается человеку именно как Отец.

И в этом смысле мы можем или даже должны чувствовать себя детьми...

– **Кто у вас любимый писатель?**

– Мой любимый писатель – монах-отшельник, оставивший епископство, – Исаак Сирий. Меня привлекает его глубина в постижении человеческой души. На мой взгляд, даже Достоевский немного меркнет перед ним. Очень люблю книгу «Старец Силуан». А среди классиков – Пушкин, Гоголь, Чехов. Особое отношение к Тютчеву, Боратынскому, Арсению Тарковскому. Борис Зайцев очень близок мне. В последнее время, наверное, полюбил... Андерсена.

– **А в школе вы любили литературу?**

– Нет, абсолютно не интересовался. Только физика и математика. Сочинения писал с большим трудом, да и то списывал с каких-то пособий.

– **Что сейчас, на ваш взгляд, происходит с русской словесностью? Какие опасности подстерегают человека, который работает со словом, – журналиста, писателя, телеведущего?**

– Сразу вспоминаются слова Федора Михайловича: «Диавол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». Опасность для каждого, а для пишущего в особенности – поддаться злу и транслировать его в этот мир. Зла много внутри каждого из нас, и поэтому человека так притягивают фильмы, книги и телепередачи, где бушуют низкие страсти, где кто-то кого-то убивает. Причем такие вещи легко пишутся, легко снимаются. На эту демоническую волну стоит только сесть, и она сама тебя понесет. Препятствия возникают, если вы заметили, обычно перед теми, кто противится злу. Это не значит, что все должны писать добрые сказочки, но выбор между добром и злом всегда стоит перед нами. Тот, кто пишет, снимает, говорит в эфире, может, конечно, по слепоте своей забыть об ответственности перед Богом, перед своей совестью, перед людьми, но эта ответственность никуда не денется. Да, правда в том, что мир лежит во зле, но это не вся правда. Мир еще и прекрасен, он – творение Божие. И важно показать вот эту сторону, прекрасную. Важно, прежде чем написать или сказать что-то, спросить себя: ради чего? Ради своей минутной популярности?

– **Но как же противостоять злу, не клеймя зло, не рассказывая правду?**

– Живописуя зло, зла не победишь. Если даже клеймишь его, только растиражируешь, умножишь его. Мы слышим иногда в интонациях ведущих телевидения не обличение греха, а смакование его.

Сама интонация порой возбуждает низменные страсти.

– **Но каждый журналист находится внутри газеты или телеканала, внутри потока информации, он – как спичечный коробок, брошенный в горную реку. И если он вздумает плыть против течения, то его в лучшем случае выбросит на берег – то есть из профессии. И что остается?**

– Остается не приумножать зло, не выпускать его из себя. Пытаться отделять грех от самого человека. Не переходить на личности. Пусть слабое, но стояние в добре – это уже сопротивление злу. И главное – смотреть за своей душой. Ведь противостоять потоку можно только внутри себя. Прежде чем написать статью или снять телепередачу, надо понять: если мы можем только описать зло, никак не обозначая добро, то в этом смысла нет. Под добром я не подразумеваю какие-то проповеди или нравоучения. Обнажать перед людьми низкие страсти и при этом еще читать мораль – вдвойне ужасно.

– **С какой надеждой вы протягиваете людям свою книгу, свои сказки? Какого отклика ждете?**

– Больших ожиданий у меня, честно говоря, нет. Хотя, конечно, каждое слово, выпущенное в мир, имеет какой-то резонанс. Если человек через сказку почувствует свою связь с Богом, то это самое большее, чего бы я мог ожидать по гамбургскому счету. Еще когда мы выпустили первый альманах, а там были три моих сказки, один молодой человек, который работал при храме, сказал: «Прочитаешь вашу сказку – и как будто хорошо помолился». Вот я и надеюсь, что тот мир, тот покой, который обретается через молитву, можно укрепить через мои сказки.

Доводилось слышать, что люди сравнивают себя с героями сказок. Кто-то называет себя Губкой, кто-то – Сухарем, кто-то переживает, что нет молитвы, как и у Сверчка, а кто-то помнит, что в любой напряженной ситуации надо оставаться смиренной и уповающей на волю Божию Изюминкой.

Недавно я узнал, что «Кампан» попал в руки одного девятилетнего мальчика, страдающего аутизмом и лишенного связи с миром. Его мама сказала, что ребенок с этой книгой не расстанется, ночью кладет ее под подушку. Думаю, это заслуга не сказок, а картинок к ним...

– **Иллюстрации замечательные. Что вы знаете о художнике книги?**

– Это монахиня, пишет и реставрирует иконы. Выпускница Палехского училища. Замечательный, скромный человек, она очень тонко уловила суть сказок, ее

иллюстрации – хороший пример сотворчества.

Многие люди говорят, что книгу приятно держать в руках (а то и «выпускать не хочется»). В этом большая заслуга издательства.

Я благодарен всем, кто участвовал в работе над книгой. И руководству издательства «Время», и редактору (один редактор – наш, ивановский), и, конечно, главному художнику. Я даже не могу произнести: *моя* книга, потому что она – *наша*.

Особую благодарность хочу выразить Ольге Мариничевой, которая буквально вынудила послать рукопись Б.Н. Пастернаку. Я не то чтобы сильно сопротивлялся, но тянул. Хотел еще одну сказку дописать (дописал-таки, но получилось не то, что хотел; поэтому не включил), собирался с духом, как говорят. Но вот дальше все шло хоть и не быстро, но как по маслу. Я не прикладывал никаких усилий.

– **Это самое драгоценное сейчас, самое редкое – мир, доброжелательность, приветливость...**

– Увы, и мы, монахи, порой это теряем, хотя живем в тихом месте, но и у нас ведь свои бури в стакане.

– **Почему вы назвали книгу «Кампан»? Слово, кажется, совсем не из церковного обихода...**

– Почему же? Мне, наоборот, кажется, что это слово из церковного обихода. В Требнике есть чин благословения кампана, сиесте колокола или звона. Ну а если о смысле... Думаю или надеюсь, что он восходит к основному – цели христианской жизни как стяжанию благодати Святого Духа. Как обычная корабельная рында после освящения открыла в себе образ благозвучного колокола, так и человек, освящаясь через таинства Крещения и Причастия Святых Христовых Таин, открывает в себе образ Божий. Святые отцы – Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов, Григорий Палама и другие – говорили, что человек призван стать богом по благодати. Очень ярко и доступно это показал Серафим Саровский в беседе с Мотовиловым. Через него Господь дал почувствовать, непосредственно ощутить «вкус» и «запах» благодати, которую так легко призывал преподобный Серафим. «Я только сказал в сердце своем...» – говорил он. Что стоит за этой легкостью, мы знаем из жития Преподобного.

Я далек от мысли, что, прочитав сказки, человек получит такую явную благодать, – тут огромный труд нужен, но настроенность ее получить, надеюсь, будет.

Игумен Варлаам (Борин)

Тритоновы очки

— Тритоша! — ласково звал Тритон-отец только что народившегося сына. Тот не отзывался, морщился, шурился, крутил головой и всем своим видом говорил, что и он вполне доволен совершившимся событием.

Вода вокруг бурлила, жила. Сине-лазурные волны с розовыми гребешками искрились в свете занимавшей зари. Снизу поднимались крупные пузыри и мелкие пузырьки, заполняли все пространство и на поверхности молниеносно превращались то в зеленоватый, то в ярко-голубой свет. Который был *хорош zelo*.

Желанный и любимый Тритончик радовался Божьему миру, быстро рос и чутко слушал ласковый зов отца.

— Тритоша! — не переставал умиляться Тритон, любясь сыном.

— Отец! — благодарно отзывался сынок, с нескрываемым восторгом взиравший на родителя.

Подрастающему Тритончику нравилось всё и все. Каждый встречный виделся ему совершенством. Он не замечал никаких недостатков или изъянов. Его сердце ничем не омрачалось, и потому ощущение счастья ни на миг не угасало в нем.

А дело было в том, что при рождении Тритон-отец дал сыну особые очки. Ведь тритоны от природы весьма подслеповаты. А что можно увидеть туманным, неверным зрением? Только искаженную картину мира! Вот чтобы Тритончик не страдал от этого, отец надел на него чудесные очки любви, которые любую тьму превращали в дивный свет. Юный Тритончик так свыкся с ними, что совсем не замечал их. Более того, ему казалось, что взгляд через очки — это и есть его настоящее зрение.

Из преданий Тритон-отец знал, что в сотворенном, прекрасном и совершенном мире зрение у тритонов было правильным, все видели друг друга в чистом, незамутненном свете. Однако случилась беда. Один из тритонов

возомнил себя равным Царю Природы, сотворившему пруд и лес, небо над ними и всех живых существ, и не просто возмечтал о самостоятельности, а стал жить так, будто никакого Царя нет совсем.

— Что же Царь не поставил этого тритонку на место? — спросил Тритоша, когда отец, желая подготовить сына, рассказывал ему эту историю.

— Можно сказать, по любви. А можно сказать, что поставил — оставив на том месте, куда он сам себя возвел. Главное, добрый Царь Природы не отобрал у него свободу! Которой тритоны, в конечном счете, должны были научиться пользоваться правильно — не во вред себе.

— И научились?

— До сих пор каждый из нас учится этому. И тебе предстоит...

Но Тритончик уже устал от рассуждений, ерзал на месте, чесал себе то голову, то хвост, и ему не терпелось скорее убежать. У него же и так все шло складно и удачно.

Хорошее отношение ко всем с его стороны привело к тому, что и окружающие платили ему тем же.

— Какой добрый у нас Тритончик! — восхищалась грациозная Зеленая Ящерка.

— Какой он понимающий! — добавлял чуткий в дружбе Молох.

— Общение с ним доставляет настоящую радость! — утверждали Хамелеон и Саламандра. — Кто еще сможет так искренне разделить радость или горе, посочувствовать?!

Но однажды... Тритончик шел, насвистывая песенку, восхищался радугой, после теплого дождя замостившей небо, друзьями, с которыми только что веселился, а заодно и собой. Не заметив глинистого обрыва, он оступился и упал с него. Летел незадачливый певец недолго, перекувырнулся всего раза два, но, поднявшись на ноги и отряхнув налипшую грязь, почувствовал: что-то изменилось. Принялся оглядываться, всматриваться в кусты и деревья, росшие по берегу пруда, но вся картина была зыбкой и нечеткой. Небесная глубина с радужными красками

оказалась недоступной. Он пытался присмотреться внимательнее, пошарил вокруг и с грустью понял: очки безвозвратно потеряны.

«Что же отец не предупредил меня! — пришла ему первая мысль. И тут же — вторая: — Почему он не прикрепил их как следует!».

С этого момента жизнь его превратилась в постоянное недовольство, беспокойство и муку. Ведь настроение любого тритона во многом зависит от того, что его окружает. А что можно увидеть неверным, туманным зрением?!

Вода вокруг не бурлила и будто не жила. Только илистая муть поднималась со дна, делая волны непрозрачно-коричневыми. Ленивые пузыри то тут, то там всплывали, лопались на поверхности и распространяли гнилостный запах. Солнечные лучи тонули в толще воды, теряя способность обогащать действительность красками и теплом. Все виделось подслеповатому Тритоше в самом неприглядном свете.

И этот свет, который стал для Тритончика сплошной тьмой, омрачал его душу. Отныне улыбка перестала появляться на его лице.

Захочет он пойти в гости к Молоху — и тут же ему приходит мысль: «О чем с

ним разговаривать?! Он же абсолютная бестолочь! И вообще, как такого уродо земля носит? Толстое туловище, с головы до хвоста шипы, а на маленькой узкой башке – рога. Динозавр, да и только... в миниатюре! А в разговоре ставит себя – с виду скромный и покорный – будто царь. Все должны крутиться вокруг него и приносить дары: внимание, похвалу, любовь». И так усиленно утверждался в этих мыслях, что никакого общения с Молохом после этого уже быть не могло.

Почувствует он тягу к Зеленой Ящерке, а другое чувство отвращает его: «До чего же противна эта вечно извивающаяся Ящерка! Ни обнять ее, ни понять. А то замрет как истукан, словно неживая. Никогда не знаешь, что у нее на уме...». Его начинало раздражать все, чем он прежде так восхищался: и ее округленное с боков тело, и хрупкий хвостик, и миниатюрные, накрашенные ярко-красным, местами уже облупившимся лаком коготки на пальцах лапок. И вместо душевного расположения и даже любви, которые он прежде испытывал к Ящерке, его сердце заполняла жгучая ненависть.

Подходил к нему бесхитростный Хамелеон, с которым они всегда и неизменно находили общий язык, звал порезвиться, побегать-поплавать.

– О, Хамелеон! – хватался за голову ожесточившийся Тритоша и начинал упрекать бедного товарища в постоянной изменчивости (хотя и сам имел к этому большую склонность). – Ты как всегда: и нашим и вашим. То ты такой, то сякой. Один обман и дурож!

Растерянный Хамелеон не узнавал приятеля. Он же всегда старался угодить ему, да и всем другим. А тут!.. Что такое с ним случилось?

– А Саламандра? – не унимался Тритоша. – С виду ящерица, а потрогаешь – одна слизь! Даже говорить не хочется...

Так он критиковал и ругал всех, будто специально, чтобы ни у кого не оставалось даже надежды на дружбу с ним.

Все бывшие друзья прекратили общение с Тритончиком, и вскоре он остался один на один с собой. И тогда всю свою нелюбовь, которую прежде выплескивал на ближних, Тритоша обратил на... себя. Его душу охватил полнейший мрак.

Однако очки любви, несмотря на их безвозвратную утрату, проявили волшебное действие еще раз. Или это добрый Царь не мог оставить свое создание на произвол судьбы?.. Тритошу потянуло

к отцу! Он вспоминал разговоры с ним, вспоминал его любящий взгляд и надеялся, а может, даже и чувствовал, что эта любовь никуда не ушла, не пропала, и ему очень хотелось ощутить ее, оказавшись в ее животворных лучах. Но почувствовать любовь никакому тритону не просто, если сам он находится в помрачении.

– И зачем только я на свет появился?! – стонал Тритоша вместо того, чтобы в простоте сказать отцу о своих ожиданиях. – Везде только тьма, неустроенность, непонимание. И вообще, одна тоска вокруг!

– Тоска не вокруг, она – внутри тебя, – уговаривал отец, ласково глядя на мятушегося сына. – Каждому тритону надо уметь настроиться. Ведь мы имеем в себе три тона, три жизненных тональности. Например, настрой на телесные потребности – это одна тональность. Поест, поплавать, побегать-порезвиться... Другая тональность – душевная. Дружба, любовь, чувства и переживания от красоты природы, от музыки ветра или пения птиц, от общения... Наконец, есть и третья, высшая тональность, благодаря которой мы ощущаем связь с Царем Природы...

– В тебе, может, и три тона. А во мне так только три... стона!.. Никакие красоты и трели меня не волнуют! Общение с разными уродами и фальшивыми гадами меня не привлекает. А еда? Что за радость – набить пузо и ждать, пока вновь не проголодаешься!..

– Радости в этом, конечно же, нет. Поэтому твои стоны оправданны. Ты тоскуешь по настоящей жизни – той, которую ты видел через очки. Но раз очков не стало – уж не будем говорить, по какой причине, – надо учиться жить без них.

Тритоша был разочарован! Хорошо отцу говорить – живет себе в своем выдуманном мире, рассуждает о каком-то Царе, которого никто никогда не видел и потому непонятно, существует ли Он на самом деле... Какие тональности? На что настраиваться? Как?..

– Это все нужно услышать в себе, – ответил Тритон на невысказанный вопрос сына. – Главное, внимательно вслушиваться в свое сердце!

Вместо любви, которую хотел почувствовать, Тритоша слышал наставления и нравоучения! Он негодовал. Но все-таки именно Отецеская любовь Царя Природы – самая волшебная сила – нача-

ла действовать в Тритоше и преображать его душу.

Встретится он с Хамелеоном или Молохом, подумает о них с неприязнью или отторжением и старается определить, что за тональность звучит в его сердце. А если перейти на более высокий тон? Попытаться настроиться на общение с... добрым Царем? Тритоша начинал видеть в себе и склонность к переменчивости, и физические несовершенства, и тогда пропадала вся его неприязнь.

Увидит он Зеленую Ящерку и, если почувствует раздражение в душе, сразу определяет, какие тональности заглушают любовь к ней. Вновь стремится перейти на более высокий тон, снова обращается от всей души к Царю Природы... И светлое чувство возвращается в его сердце.

Если раздражение на кого-то или озлобление не проходили, Тритончик понимал, что при всем его желании и даже мысленно-словесном обращении к Царю ему не удалось взять нужный тон. У него опускались руки, он думал о бесполезности своих усилий, и от безысходности из него даже вырывался стон. Потом вновь делал попытки настроиться и вновь обнадеживался. После долгих – иногда очень долгих – дней сердечной сухости и тоски он ощущал возвращение тепла в сердце и расположение к своим близким.

В эти моменты даже природа меняла свой лик. Деревья и трава приобретали весеннюю свежесть и яркость. Небо голубело во всю ширь, обнаруживая у горизонта синеющую глубину. Солнечный свет пронизывал всю толщу воды, играя в лазурных волнах и делая их живыми.

Когда Тритончику удавалось настроиться на высший тон, тогда и остальные тональности звучали в нем нужным образом, не заглушая другие тона, а словно перекликаясь и помогая точному звучанию. В такие моменты в его душе творилась неповторимая музыка жизни и мир виделся ему в сотни раз более прекрасным, чем через чудесные очки. Он чувствовал не только любовь Тритона-отца, искусно владеющего настроем всех трех тональностей, но – безмерность Отецеской любви Царя Природы, сотворившего ширь неба и глубокую, такую же, как сама Царская любовь, безмерную душу! И в порыве благодарности восклицал:

– Слава Тебе, триединый Отче!

Рисунок Софьи Липиной

«И человечество двинется вперед»

Диалог Гоголя и Белинского о путях развития России. Современное звучание

О духовном творчестве Н.В. Гоголя и, в частности, о книге «Выбранные места из переписки с друзьями» мы уже говорили в «Лампаде» (№ 5, 2013; № 1 и № 2, 2016). Сегодняшняя тема в представлении читателей уже давно накрепко связана с этой книгой – знаменитое письмо Белинского к Гоголю и возникший таким образом диалог о путях развития России. В будущем году этому событию 170 лет.

В январе 1847 года вышла в свет книга «Выбранные места из переписки с друзьями». А в февральском номере журнала «Современник» В.Г. Белинский опубликовал о ней статью, в которой высказался хотя и сдержанно (по цензурным соображениям), но вполне определенно – негативно и возмущенно.

Гоголь, находившийся тогда за границей, послал в июне 1847 года Белинскому письмо, выразив недоумение по поводу столь резкой оценки и предположив, что, возможно, тот увидел в ней выпады против себя. Белинский к тому времени тоже уже находился за границей (приехал на лето лечиться от чахотки на водные курорты). Письмо застало его в Зальцбрунне (Германия).

15 июля 1847 года Белинский написал свое знаменитое «зальцбруннское» письмо. Он обвинил Гоголя в пропаганде невежества, крепостничества и мракобесия. В итоге получился, по существу, памфлет необыкновенной мощи и откровенности не только о гоголевской книге, но и вообще об общественно-политической ситуации того времени. Опубликовать ответ в то время, конечно, было невозможно, но он разошелся в списках по всей России.

Письмо потрясло Гоголя своим гневным пафосом, и поначалу он в ответ написал тоже довольно раздраженное послание, обвиняя Белинского в недостатке образования, излишнем увлечении политическими вопросами в ущерб его литературно-критической деятельности и т. д. Письмо Гоголь не отправил, но и не выбросил – разорвал на несколько частей, аккуратно сложил в конверт и хранил до конца жизни. Белинскому же отправил в августе 1847 года небольшое письмо, на-

писанное в сдержанно-примирительном тоне, признавая свои изъязы («я слишком усредоточился в себе») и призывая оппонента признать свои («вы слишком разбросались»).

«Зальцбруннское» письмо Белинского стало его, по словам А.И. Герцена, завещанием. То же можно сказать и о «Выбранных местах...» – последней из опубликованных книг Гоголя. Обе вещи потрясли читающую публику: книга Гоголя – потому что он, неожиданно для многих, выступил в ней как религиозный проповедник; письмо Белинского – тем, что походило на некий политический манифест. Сопоставление их может заставить о многом задуматься и сегодня, спустя более полутора веков. Только нужно избавиться от ярлыков, некогда приклеенных к этим классикам и объявляющих позднего Белинского революционером, а позднего Гоголя – реакционером. Оба они писали об эволюционном развитии общества, правда, руководствуясь разными побудительными мотивами. Белинский – сочувствием к обездоленным слоям населения. А Гоголь – прежде всего болью за нравственное несовершенство общества, грозящее гибелью всем. Но оба, по существу, вели речь об одном – о влиянии христианства на жизнь.

По Гоголю, религия должна смягчать нравы, для чего нужно не только знать о заповедях, но практически жить по ним, «призвать Христа к себе в дома». Тогда люди, не дожидаясь внешних перемен, данных властью, сами смогут изменить многое в жизни. Так появятся ростки нового содержания. А затем это приведет и к изменению внешних форм, но естественно и закономерно.

Белинский противопоставляет гоголевской логике достижения европейской цивилизации (гражданские свободы, права человека, просвещение, более прогрессивные, чем в России, законы), так как это и гуманнее, и ближе христианскому идеалу. Позиция Белинского выдержана в духе идеалов Просвещения. Правда, он игнорирует, что без основательного многовекового влияния христианской церкви на общество не было бы и Просвещения, не сформировался бы и человек, проникнутый идеалами гуманизма и думающий не только о своей телесной оболочке, но и о душе.

И Гоголь напоминает Белинскому об этой диалектике воздействия религии на жизнь, правда, лишь в неотправленном письме: «Вы отделяете церковь от <Христа и> христианства, ту самую церковь, тех самых <...> пастырей, которые мученической <своей смертью> запечатлели истину всякого слова Христова, которые тысячами гибли под ножами и мечами убийц, молясь о них, и наконец утомили самих палачей, так что победители упали к ногам побежденных, и весь мир исповедал <это слово>»¹.

Белинский оставляет без внимания проблему нравственного уровня человека и, следовательно, общества: если он, уровень, низок, это приводит к самым разным негативным последствиям и во внешних проявлениях: в социальной, политической, экономической областях. Между тем ясно, что без ее решения не может быть эффективной никакая реформа. А Гоголь, в противоположность Белинскому, всецело сосредоточился на решении именно этого вопроса.

¹ Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. XIII. М., 1952. С. 439–440.

Ни тот, ни другой не дали исчерпывающего ответа на вопрос: как усовершенствовать жизнь российского общества? Это произошло именно потому, что каждый убежденно и увлеченно выразил *свою* позицию. И в результате их точки зрения стали, по существу, взаимодополняющими и взаимно необходимыми, хотя внешне диалог стал конфликтом и потом многие десятилетия воспринимался именно так.

Надо сказать, что позиция Белинского была яснее: нужны реформы, которые отменят уродливые пережитки и сделают общественное устройство более справедливым и современным: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть»².

Позиция Гоголя в этом диалоге сложнее, ее смысл, на первый взгляд, не так очевиден, она нуждается в комментариях. Но и в гоголевском подходе есть не менее важное рациональное зерно. Гоголь сосредоточился на внутренних качествах самого человека, в каких бы условиях он ни жил, на его духовно-нравственной зрелости, и этот подход был по-своему очень глубоким и реалистическим.

Прежде чем совершить великое дело, нужно «сстроиться» внутренне. Это одна из любимых мыслей Гоголя. Это правило он применял в первую очередь к самому себе, но видел его универсальность во всех областях жизни, в том числе и в судьбах людей и в исторической судьбе российского общества. Он писал в неотправленном письме Белинскому: «Нужно вспомнить человеку, <что> он вовсе не материальная скотина, <но вы>сокий гражданин высокого небесно-го гражданства. Покуда <он хоть ско>лько-нибудь не будет жить жизнью <неб>есного гражданина, до тех пор не <пр>идет в порядок и <земное> гражданство»³.

Исходя из общегуманных соображений, Белинский смотрел на ситуацию в России с такой точки зрения: насколько человеку хорошо жить здесь, не слишком ли много он страдает и как уменьшить его страдания? Гоголь тоже чувствовал неустройство российской жизни. Но имел в виду общий, вневременной ориентир: насколько человек выполняет свое предназначение, насколько соответствует требованиям, которые ему даны свыше в виде религиозных заповедей? Идет ли он к спасению души, совершенствуя себя и оказывая благотвори-

ное влияние на окружающих? Насколько российское общество вообще осознает свою обязанность в этом плане? Ведь оно создано на религиозной, христианской основе. (Да и другие религии основаны на тех же, в сущности, основных положениях и главное требование к человеку выдвигают то же – любить Бога и ближнего). Существует ли в обществе вообще такая идея, что помимо необходимости соответствовать требованиям прогресса, есть еще и более основательные, продиктованные самым основным законом – принятой когда-то обществом религией, определившей, в основном, его идеологию?

Если это не выполняется и даже не осознается, теряют смысл другие обстоятельства: достаточно ли комфортно такое общество живет, не слишком ли много оно страдает и т. д. Бесплезно и уповать на какие-либо внешние преобразования, не решая главного вопроса. Как помочь человеку «сстроиться»? Как повернуть душу к благу, чтобы не было ни уродливых отношений, ни антигуманных законов? Вот какую задачу пытался решить Гоголь.

Россия, как известно, жила еще при крепостном праве. Гоголь и при этом видел возможность возрождения и развития. Помещик должен сделать из своих крестьян трудолюбивых, зажиточных и высоконравственных людей. Для этого он должен забыть о роскоши, лично руководить хозяйством, помогать разорившимся крестьянам, быть для них судьей, воспитателем, благотворителем и даже проповедником христианства. Словом, жить по принципу: кому много дано, с того много и спрашивается.

Гоголь писал о «власти свыше» помещика над крестьянами, но в чем он видел смысл этого мироустройства? Только в организации жизни крестьян на основах христианской нравственности. Для этого, правда, помещик должен стать качественно иным – отречься от эгоистических устремлений и полностью отдаться перевоспитанию крестьян. В результате он должен сделать из них достойных христиан – трудящихся, состоятельных и добродетельных. Обязанности – на грани человеческих сил, потому что велик соблазн просто пользоваться благами, данными судьбой. От помещика требуется самое главное и трудное – подействовать на души людей (прежде всего, своим примером) и отвечать за это перед Богом.

Как бы предвидя критику Белинского в адрес священства («Большинство <...> нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким

невежеством»⁴), Гоголь в «Выбранных местах...» признает, что нет идеальных священников, и советует помещикам: «Выбрось даже из головы, чтобы мог отыскаться священник, вполне отвечающий твоему идеалу. Никакая семинария и никакая школа не может так воспитать священника. В семинарии он получает только начальное основание своего воспитания, образуется же вполне в деле жизни. Будь сам ему напутником...»⁵.

Не надеясь на профессиональных судей, помещик должен сам осуществлять суд и одновременно проповедовать, используя саму ситуацию суда над нерадивым крестьянином как повод поучать и наставлять его, «прицепившись» к его проступкам (глава «Сельский суд и расправа»).

Помещик ли уже это в обычном понимании этого слова? Нет. Это что-то совсем другое. И он сам, и крестьяне в его поместье, и их отношения, и вся жизнь на этой земле – это совершенно иное явление для России. Только названия, обозначения прежние: помещик, крепостные. Фактически за эти названия и критиковали Гоголя, в частности, Белинский назвал его «проповедником кнута, апостолом невежества».

Возможно, Гоголь так увлекся, что и не заметил, как реалистично изобразил утопию. Но возникает вопрос: действительно ли автор «Выбранных мест...», сосредоточившись на христианском преображении человека, совсем «оторвался от жизни» (как считали многие его современники, да и читатели многих других поколений тоже) или как раз он изложил весьма действенный и прямой путь к развитию – не менее эффективный, чем политические или экономические реформы? Ведь предлагаемый Гоголем образ жизни – это не идеал навсегда, а путь. Путь к более разумно устроенному и благополучному обществу. Путь, который можно начать с любого момента, при любых условиях, в любом состоянии. И даже в те времена. Гоголь так внимательно рассматривает взаимоотношения помещика и крепостных вовсе не из любви к крепостному праву, которой, конечно, он не питал, а потому, что названные отношения были реальностью. Внимательно рассмотрев ситуацию, Гоголь показал в ней то, что может способствовать благу, как это ни покажется парадоксальным.

Эти мысли логично продолжились в главе «Занимающему важное место». Ее запретила цензура в прижизненном издании

² В.Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. X. М., 1956. С. 213.

³ Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. XIII. М., 1952. С. 443.

⁴ В.Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. X. С. 215.

⁵ Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. VIII. М., 1952. С. 325.

«Выбранных мест...». Здесь уже в качестве «напутника» дворян и чиновников выступает генерал-губернатор (как князь во втором томе «Мертвых душ»): если помещик еще не достиг необходимых нравственных качеств, на него, как и на всех дворян вообще, должен повлиять высокий чин. Они же, в свою очередь, обязаны достигнуть ими «нравственное благородство» распространить на все общество, в чем и заключается истинное предназначение этого сословия.

В сущности, о том же идет речь и в двух последующих главах – «Исторический живописец Иванов» и «Чем должна быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России». И там, и там речь о том, каким должен быть человек, преображенный религией. В первом случае с человеком это преображение уже произошло и он ушел в свое дело (создание картины), как в монастырь, и обрел такую духовную крепость, которая редко кому свойственна, в том числе среди художников. Во втором – к такой крепости Гоголь призывает стремиться любого обывателя, не создающего никаких великих произведений. И неважно, как человек к этому придет – путем одних только молитв или еще каких-то средств (например, разделением денег из своего семейного бюджета для определенных целей). Важно, чтобы он преодолел расплывчатость и обмелчание, свойственные современному человеку, ставшему рабом своих пустых капризов.

Говоря об устройстве жизни, Гоголь подчеркивал лишь важную мысль: с любого места, где бы человек ни находился (и общество в целом), можно начинать эволюционное развитие, основанное на нравственном преобразовании человека. С любого места без исключения – будь то и жизнь при крепостном праве.

Эволюция подразумевает и перемены внешние, вырастающие на основе внутренних. Гоголь писал (в «Завещании»), что нравственный рост человека ценен не только сам по себе, но и как необходимая основа для преобразования: «Общество тогда только поправится, когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Все придет тогда в порядок, сами собою установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы законные всему. И человечество двинется вперед»⁶.

Тогда результатом могут стать необходимые России достижения, образцы кото-

рых Белинский видел в западной цивилизации: «Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение»⁷.

Справедливые права и законы и строгое их выполнение и есть те самые «правильные отношения между людьми» и «пределы законные всему», к которым стремились и Гоголь, и Белинский.

При рассмотрении «Выбранных мест...» и «зальцбруннского» письма многие десятилетия подчеркивалась и преувеличивалась конфликтность ситуации. Для самих авторов и их современников это закономерно и объяснимо. И для Белинского, и вообще для всей читающей публики Гоголь был исключительно художником. Никто, кроме самых близких ему людей, не знал о его религиозных устремлениях и духовном пути. Это сейчас нам доступны материалы о внутреннем мире Гоголя – письма, «Авторская исповедь», «Размышления о Божественной Литургии». Мы легко можем увидеть в них Гоголя-христианина. Современникам Гоголя все это было неизвестно, поэтому появление «Выбранных мест...» стало для них как гром среди ясного неба. И письмо Белинского стало столь громоподобным по той же причине.

Но с тех пор пройден большой исторический путь, который убедительно показал, что взгляды Белинского и Гоголя – это две неотъемлемые части целого. Без любой из них невозможно полноценное, эффективное развитие общества. То, что Гоголь и Белинский оказались, по-видимому, самыми равнодушными людьми своего времени, которые с тревогой и болью задумывались о настоящем и будущем России, – это тоже сближает, а не отдаляет их точки зрения. Показательно, что оба они в конце жизни оказались в опале за свои проповедническо-публицистические сочинения. Белинского только смерть спасла от преследований. О том, что грозило ему самому, можно догадаться по судьбе петрашевцев (в том числе Ф.М. Достоевского), отправленных на каторгу за чтение его письма к Гоголю.

На Гоголя – автора «Выбранных мест...» ополчилась почти вся читающая

публика. Люди разных взглядов и убеждений дружно осуждали его, высмеивали, упрекали, называли сумасшедшим. Попал он в немилость и у властей, так как решил всех учить, как жить, в том числе и царя: «Он (монарх. – И. М.) неминуемо должен, наконец, сделаться весь одна любовь. <...> Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значение свое – быть образом Того на земле, Который Сам есть любовь»⁸. Даже после смерти Гоголя, даже в некрологе его имя запрещалось упоминать в печати. Как известно, И.С. Тургенев, нарушивший этот запрет и опубликовавший некролог Гоголю, был за это арестован и наказан ссылкой в свое имение Спасское-Лутовиново.

Таким образом, в «роковых» опусах Гоголя и Белинского – «Выбранных местах...» и «зальцбруннском» письме – куда больше общего, чем это может показаться на первый взгляд. И то, и другое, по существу, проповедь гуманизма. Оба сочинения по-своему оппозиционны. Белинский, не дожидаясь реформ сверху, осмелился сказать, какова общественно-политическая ситуация в России и какие реформы ей необходимы. Гоголь всей России высказал упрек, что она живет далеко не по-христиански. Всем без исключения, в том числе и царю, он дал советы, как устроить жизнь по закону Христа (а тоном книги – скорее, поставил задачу). Например, он писал, что монарх должен не только «сделаться весь одна любовь» и обратить всех «как бы в собственное тело свое, возболев духом о всех», но еще и передавать всю любовь подданных ее «законному источнику» – Богу.

Чьи идеи более кардинальны – Гоголя или Белинского? Определенно, царю легче было отменить крепостное право, выполнив тем самым главную из обозначенных Белинским в «зальцбруннском» письме задач, чем выполнить задачу, поставленную Гоголем, и «сделаться весь одна любовь».

Но в любом случае два связанные между собой факта русской литературы и общественной мысли – «Выбранные места из переписки с друзьями» и «зальцбруннское» письмо Белинского к Гоголю – это вещи, в сущности, настолько же сходные, сколь и различные, выражающие главные для развития России идеи. Каждая – свою. В то же время это был своего рода гражданский подвиг их обоих – во всеуслышанье сказать о самых важных изъянах общества, чувствуя, как опасно их замалчивание и сколь пагубно бездействие.

⁶ Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. IX. М., 1952. С. 494.

⁷ В.Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. X. С. 213.

⁸ Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. VIII. М., 1952. С. 255–256.

Дмитрий Шеваров

«Духом я не падаю» История души и судьба страны в письмах детского врача Вадима Жижина

Виделись мы лишь однажды. Он приезжал в Москву на какие-то медицинские курсы и заскочил ко мне на полчаса. Но почти десять лет мы переписывались.

Вадим был моим необыкновенно отзывчивым и благодарным читателем. Я тогда работал в «Комсомолке», потом – в созданной Симоном Соловейчиком новой педагогической газете «Первое сентября». Вадим не был учителем, но его профессия – детского доктора – сродни учительской. Детям, которых лечил, он отдавал все, что отдает своим ученикам хороший учитель. На своих дежурствах он читал с ними книжки, рассказывал сказки.

Окончив десять классов в городке Бабаево Вологодской области, поступил в Ленинградскую (сейчас – Санкт-Петербургскую) педиатрическую академию. Часто посещал родную школу № 1, любимого учителя литературы Федора Дмитриевича Кучмая. И не просто навещал, а помогал, участвовал в постановке спектаклей и проведении литературных вечеров. Писал сценарии, готовил литературные композиции, исполнял самые ответственные роли, в частности Пушкина. Я видел запись одного из спектаклей, это была не игра в Пушкина – он был Пушкиным, попавшим в девяностые, – исхудавшим, нервным, резким и при этом легким, почти бесплотным.

На пушкинские спектакли с участием Вадима Жижина стремились попасть все жители маленького райцентра, переживавшего заброшенность, безработицу и нищету. Свет школьных окон согревал застуженные сердца.

В письмах Вадима это все рядом: подготовка к вечерам и забастовки учителей, Тригорское и невыплаты зарплат, порыв к гармонии и жестокая реальность...

Очевидно, именно в студенческую пору Вадим принял Святое Крещение. Как ни удивительно, в середине 1980-х годов именно в педиатрической академии «города трех революций» стихийно возникла православная об-

*Вадим Жижин. Ленинград.
Начало 90-х годов*

*Когда уйду я в тишину благую,
Исчерпав жизнь земную до краев,
Я милую тихонько поцелую
И помашу ей с белых облаков.*

*Когда вы вспомните мой профиль
птичий,
Прошу вас, улыбнитесь за меня,
Услышав пересвист в ветвях
синичий
И тихий жу-у-у летящего шмеля...*

щина. Она существовала не тайно, но подспудно. Это было дружное и сердечное сообщество преподавателей и студентов, исповедовавших свою веру не словами, а поступками, делами, самым образом жизни. Несколько таких ребят составили костяк ВСП – выездной студенческой поликлиники. Я имел счастье видеть этих ребят в работе, ис-

колесив с ними Никольский район Вологодчины.

Тогда я сдружился с командиром отряда отоларингологом Андреем Савиным, офтальмологом Андреем Качановым и неонатологом Эдуардом Дюковым. Эдуард крестился с именем Федор, а в 1992 году, сделав невероятно сложную операцию погибавшему малышу, скоропостижно умер. Малыша удалось спасти. (Я писал о судьбе Эдуарда Дюкова потом в «Комсомолке» и в книге «Добрые лица»). Рассказываю обо всем этом, чтобы можно было представить ту среду, в которой духовно родился Вадим Жижин.

После института Вадим вернулся на родину, работал в Бабаевской центральной больнице, потом в Череповце, в местном подразделении МЧС. Умер Вадим, тяжело заболев после участия в одной из спасательных операций. Осталась маленькая дочка.

В это трудно поверить, но вскоре после того, как я получил горькую весть, у меня вновь появился в Бабаево товарищ по переписке, и его звали... Вадим. Очень талантливый двенадцатилетний Вадим Гырнец посылал мне свои маленькие рассказы о природе, о рыбалке, о детских приключениях. Они поражали серьезностью, неожиданными сюжетами, художественным вкусом. Я послал его работы на один из всероссийских литературных конкурсов. И его вместе с папой-лесорубом и мамой-учительницей пригласили в Москву.

Когда я провожал их домой, мама Вадима рассказала, что маленьким он очень болел, надо было срочно ехать в областной центр. А отец остался без работы, и в школе не платили зарплату. Мама вышла из больницы в слезах. А следом вышел молодой врач в халате и передал растерянной женщине деньги. Тем молодым врачом был Вадим Жижин...

Об остальном вам расскажут письма Вадима, написанные тонким летящим почерком, столь похожим на пушкинский.

19 января 1996 г. ...До определенно-го момента нас мало занимает звучание нашего имени, и лишь взрослея, мы при-выкаем к нему, так же, как привыкаем к внезапно понизившимся потолкам, сте-нам, большим ботинкам и курткам. Ино-гда этот переход легок и незаметен, ино-гда – долог и труден.

Дима – Дмитрий, Рома – Роман, Во-ва – Володя – Владимир, как по-разному происходят метаморфозы. В одном слу-чае не меняется лишь прописная буква, в другом – добавляется маленькое «н» в конце, а в третьем – нечто новое. У меня два имени, точнее два уменьшительных, выросших в два имени: Дима и Вадик – Дмитрий и Вадим.

Дима – детское, теплое, сокровенное, потаенное, ставшее близким и родным, и даже, когда, будучи уже взрослым, по-крестился (не выбирая преднамеренно дату), не очень удивился, узнав, что день этот – день святого Димитрия Ростовско-го (да и как же могло быть иначе), а Ва-дим (но никогда «Вадик»), мое нынеш-нее взрослое имя, – князь-бунтарь Вадим Храбрый, сеятель смуты. В XI веке он возглавил восстание новгородцев против Рюрика.

Как часто мы делаем труднообъясни-мые с позиции здравого смысла поступ-ки. Вот и сейчас, за несколько часов до отъезда в свой любимый город, сижу и пишу тебе письмо...

Одна умная девочка сказала, что я живу так, будто «жизнь – это оплачен-ный отпуск ангелов». Интересно, быва-ет ли у ангелов отпуск и если да, то чем его оплачивают? Солнечным светом или лунным?

...Я редко смотрю ТВ, может быть, поэтому не злюсь на рекламу. Я вообще редко злюсь.

* * *

3 февраля 1996 г. <...> Недавно, возвращаясь в свой городок из Санкт-Петербурга, стал участником обычного дорожного разговора.

Действующие лица: мужчина лет 40, блеклой внешности, при разговоре ока-завшийся и бойцом «афгана» в 79–80 гг., и заочником института водного транспор-та – «Ползу помаленьку, мозгов-то ведь маловато, вот за “афган” жалеют и по-ловину зачетов ставят», на что 19-летний парень, второкурсник экономического факультета, отличник, заметил: «Нашли чем хвалиться». Но глаза у парня были хорошие, ясные, и весь облик его светил-ся здоровым, северным духом (паренек из Вологды), видно было, что соблаз-

ны жизни, как то: огонь, вода и медная труба – еще не коснулись его. Третьим участником была женщина-пенсионерка, но работающая. Где, не знаю, вероятно, чем-то приторговывает, как упомянула она вскользь...

Но более всех меня заинтересовала тихая, грустная, полная, скромная жен-щина лет сорока с хвостиком, спокойно сидевшая с краю. Она везла стиральную машину и продукты своей сестре в Го-рицы. Когда-то там был богатый жен-ский монастырь, славившийся садами и сырным заводиком, а также красою мест окружающих. Еще недавно все было за-брошено, надгробия валялись окрест, а некоторыми были вымощены дорожки. Грязь и запустение царили, и лишь соба-ки рыскали среди развалин.

А кругом красивейшие места – озера, леса; в восьми километрах от Горы – знаменитый Кирилловский монастырь, а еще в двадцати километ-рах – не менее знаменитый Ферапонтов-ский монастырь с фресками Дионисия в главном храме и маленьким чистым озером с ласковым песчаным дном. А в сорока километрах – славный город Белозерск, вблизи которого Новоезер-ский монастырь, в котором, умирая, горь-ко сокрушался ныне святой Кирилл Но-воезерский, и не зря сокрушался – ныне там «знаменитый» Белозерский «пя-точок» – тюрьма особо строгого режима...

Вот какой слой мыслей подняла эта тихая, грустная женщина. Сестра ее, за-кончив два института (один из них – жур-фак) бросила квартиру, работу и отправи-лась с одиннадцатилетней дочерью в по-слушницы. Сейчас занимаются возрож-дением Горичского монастыря. Местные жители помогают кто чем может. Сестра вот регулярно ездит, пенсию возит. У нас одной рукой восстанавливается Храм Христа Спасителя, а другой – рушатся города в Чечне.

Не можем мы судить время, живя в нем, но люди наши давленные-передавленные – хорошие.

А кругом на многие сотни верст – за-несенные белым снегом леса, все еще густые, поля, пока еще пустые, и берег, милый для меня.

* * *

8 апреля 1996 г. <...> Я впитывал культуру Ленинграда-Спб как губка, боясь не успеть: фильмы, спектакли, вы-ставки, фестивали, концерты. <...>

Мне хочется понимать не только вну-тренний мир, но и наружный. Я еще не соприкоснулся с сокровенными места-

ми Земли. Сейчас стараюсь расширять географию своих путешествий в строгом соответствии с познанием мира внутрен-него. В это лето, если Господь сподобит, поедем на велосипедах на Псковщину.

...Несколько лет назад, зимой, я куда-то спешил (а хожу я быстро, почти бегом), и старушка в старой коричневой шубе попросила довести ее до магазина, а я отговорился занятостью и сказал: «По-просите кого-то другого, мне некогда...». Я и сейчас еще вижу эту старушку. Я бе-жал и все оглядывался, а старушка все стояла и стояла...

А потом, тоже зимой, мне встретился нищий, а может быть, святой?.. – какие-то нелепые обноски, в одной руке он дер-жал сломанный детский стульчик, а в дру-гой – трогательный кулечек с помадками. У него были добрые, грустные, мудрые, иудейские глаза. Он попросил денег, а я не дал, опять спешил... Можно привести сотни аргументов в мое оправдание, но их не должно быть ни одного!

Идеал недостижим, но к нему надо стремиться. Вот таким идеалом в работе для меня стал Игорь Михайлович Ворон-цов, руководитель одной из трех кафедр педиатрии в моем институте. Он призы-вал нас, студентов, испытывать страх за больного ребенка и восторгаться здоро-вым малышом, грацией его движений, его ласковостью и непосредственностью... Теперь я сам говорю об этом коллегам.

Как нам разорвать этот порочный круг: больная мать – больный ребенок. Педиатрами России выработана «Нацио-нальная программа по охране материн-ства и детства», она представлена пре-зиденту, правительству, но... Не буду, не буду, не буду о грустном. «Пух чувство-вал, что он должен сказать что-нибудь по-лезное, но не мог придумать, что именно. И он решил вместо этого сделать что-то полезное». Замечательный Пух. Если бы все так.

У меня тоже есть Пух из детства. Он и сейчас сидит и сосредоточенно смотрит на меня – большой, неуклюжий, родной, в вельветовой рубашке и шортах, кото-рые я носил в пять лет.

<...> Да, нельзя уезжать из страны, когда ей трудно, а то останутся одни негодяи, и кто же будет ее возрождать? В нашем городке промышленность уми-рает – давно стоят современные корпуса бывшего филиала фабрики «Светлана», мебельная фабрика с трех смен перешла на одну. А в деревнях все меньше детей, все больше хворых старушек. И толь-ко идут в неясную даль и ночью и днем

поезда, груженные лесом. Редуют леса, высыхают болота, все меньше грибов и ягод.

Сосны у нас – храм под открытым небом с устремленным в него красноватым сиянием гигантских свечей.

Бог даст, и Россия не пойдет по новому кровавому кругу, Бог даст – не покатится красное колесо. <...> Все те, кому я сейчас пишу, молчат. То ли по занятости, то ли по нежеланию, то ли еще почему-либо. Да, мои письма трудные. В них мало о погоде, о тряпках и делах будничных. Но это оттого, что я чувствую к адресатам нечто более вежливости.

<...> Тебе повезло – у тебя был в детстве замечательный дед, и отец, наверное, был? А моими дедами, отцами, братьями и друзьями были Дюма, Бальзак, Скотт, Гофман и Гауф, Андерсен и братья Гримм.

Я выросл, менялось время, и ко мне пришли Набоков и Солженицын, Ахматова и Бродский, Цветаева и Пастернак, Гессе и Манн, Достоевский и Джойс, Ричард Бах и Генри Миллер, Борхес, Мережковский, Одоевцева и Берберова, Шмелев и Булгаков!..

Жизнь такая короткая, так много еще нужно сделать...

Помнишь Наденьку Рушеву? На ее выставке висел список книг, которые она успела прочитать к своим 17 годам. Там было почти все, что нужно.

Я вообще сейчас мало читаю, времени мало. Его всегда мало. Мне всегда хотелось чуть-чуть раздвинуть сутки, особенно вечер...

* * *

26 января 1999 г. <...> В этот раз в Вологодской области бастовали уже 150 школ. И наш район не исключение. После каникул учиться пошли только ученики 65-й железнодорожной школы, прочие школы закрыты. Нет, не совсем, днем в них приходят учителя. Но уроков нет, детей нет, и страшно по вечерам идти мимо темных окон своей родной 1-й школы, работавшей в две смены. И наш учитель словесности Федор Дмитриевич Кучмай, который всегда говорил, что «не хлебом единым...», конечно, не остался в стороне, тем более что его жена Наталья Анатольевна тоже учитель-словесник и директор школы-восьмилетки. Они устали от произвола администраций всех уровней и пошли на крайние меры. Мне немного стыдно на их вопросы о зарплате говорить правду, что я получил почти все, включая декабрь, за прошлый год. Стыдно и больно, но чем

помочь, кроме доброго слова? Из своих крох я могу помочь только маме.

* * *

6 октября 1999 г. Как здорово снова оказаться дома! И понять, что лето уже прошло, что битва за урожай с большим трудом, но выиграна, что родители здоровы, что пес Персик по-прежнему предан тебе, что в начале октября ночью еще 15, а днем – больше 20 градусов.

Этим летом стояла невероятная сушь. Мы оценили масштабы этой суши, когда пошли с Персиком на прогулку: все ручьи пересохли, там, где в лесу всегда стояла вода, прошли беспрепятственно и даже пруд превратился в жалкую лужу. Картошку, капусту – все приходилось поливать. Совсем нет ни калины, ни рябины.

<...> Вчера отвозил молоко Кучмаям, немного поговорили. Этим летом Федор Дмитриевич ездил с учителями на микроавтобусе по святым и литературным местам: Углич, Оптина пустынь, Ясная Поляна, Полотняный завод, Константиново. В период отпусков Кучмаи всегда организуют чудесные паломничества.

<...> Впереди поездка в деревню, к общим знакомым, надо еще заехать в больницу, свозить племянника на лесную прогулку, помыться в домашней бане и еще раз посетить Кучмаев.

Привет Вам от Ф. Дм. и моей мамы.

* * *

13 октября 1999 г. Я по-прежнему в родных местах. После трех дней октябрьской мороси установилась ясная теплая погода, прерываемая теплым почти грибным дождиком. Сегодня самодельным плугом вспахали часть огорода. Осталась необработанной только капуста – кочаны еще наливаются. Завтра буду варить домашний борщ – полностью из своего урожая. Вчера вместе с Персиком нанес визит в районку – взяли почитать «Новый мир». <...> Заодно полюбопытствовали, какой был тираж у «НМ» в 1990 г., – 2,7 млн. экз., в 1993 г. – уже 74 тыс., а в 1999 – до 15 тыс. немного не дотянули, да из них почти 5 тыс. выкупает Гениева с подачи Джорджа Сороса. Но главное, что он выходит... <...>

* * *

2 января 2001 г. Вот и наступил долгожданный XXI век. <...> У меня не сохранилось связанной картины моего детства, почти до девяти лет – огромное белое пятно с яркими отдельными вкраплениями запомнившихся событий. Иногда совсем незначительных. Помню чувство стыда,

когда я возвращал соседке тете Тамаре украденную красивую пуговицу. А потом: когда тетя Тамара уезжала в Ленинград, я чуть не сбежал за нею следом, но был вовремя пойман. Так я был влюблен.

А еще я был влюблен в красивую молодую учительницу из Череповца, она отработывала в нашей школе три года после института. Она не вела у нас уроков, но она часто приходила в библиотеку, где я то и дело копался в книжках. Как-то раз я стал раскачивать ее на стуле (мне было лет 13), красивые рыжие волосы откинулись, и я увидел у нее на шее родинку и поцеловал ее, а стул чуть не уронил.

<...> Память детства, цепкая на мелочи, дает непередаваемое чувство родства. К тем, кого знаешь с детства, относишься совсем по-другому...

Но я хочу рассказать совсем о другом....

* * *

22 июня 2004 г. <...> Храм в Бабаеве относительно новый, деревянный, батюшка тоже новый, из местных, бывший учитель музыки. Так что пути не закрыты. <...> Вот уже вторую неделю нахожусь в Череповце, в больнице <...> Череповец широко отмечал День России, у дома культуры «Аммофос» два дня были праздничные гулянья с утра до вечера, совмещенные с акцией «МТС – навсегда» или что-то в этом роде. Вечером вспыхивали фейерверки, а поскольку я в выходные находился у знакомых на 8-ом этаже, мне все было видно и слышно. А слышно лучше бы не было.

<...> Перед окном палаты растет большое раскидистое дерево, американский клен, если не ошибаюсь. От него в палате темно, а без него было бы, наверное, грустно. <...> Не идут мысли в голову: ни умные, ни глупые. Вот было время, когда выдохнуть было некогда, а сейчас дыши сколько хочешь.

«Пути небесные» я читал, хотя, есть ли эта книга у меня – не вспомню. Многие книги запрятаны в кладовку. В большой комнате – в основном классики стоят. А в маленькой, в книжном шкафу, как говорится, всякой твари по паре. И главное – почти полка сказок. Сказки любил, люблю и буду, скорее всего, любить всегда, есть в них что-то чистое, незамутненное, как в воде из родника. Вроде и без сахара и без заварки водичка, а вкуснее любого чая.

Ну да ладно, друже, буду заканчивать. Планы такие – подлечиваюсь, увольняюсь из спасателей и устраиваюсь на работу в Бабаевскую ЦРБ. Духом я не падаю.

Свет и крест Валентина Распутина К созданию в Иркутске музея писателя

Бывает так, а в наше время особенно часто: человек долгие годы живет, даже не задумываясь о том, что все происходящее с ним – не набор случайных поступков, не результат единственно личных усилий и устремлений, но изъятие воли Божией, того, что христиане принимают как замысел Творца, или как крест. Так, верно, было и у Валентина Распутина, уже при жизни классика русской и мировой литературы. Однако крест, которым наделил его Господь, – это не просто талант писателя. Это душа, остро восприимчивая ко всему, что причиняет боль его родной земле и его родному народу, и уже только потом – способность оправить эту боль словом.

Нести свой крест – великое искусство. Чаще всего оно невидимо постороннему глазу. Если даже и видимо, не

всегда воспринимается таковым. Валентин Григорьевич был человеком не публичным, не любил суеты вокруг собственной персоны, поэтому о его внелитературной жизни широкому кругу было известно не так много. Но после того как он окончил свой земной путь, случилось то, что и должно было произойти, – все связанное с его жизнью и творчеством стало культурным наследием. Можно сказать, стало рассказом о его кресте. С этой точки зрения трудно переоценить значение принятого в Иркутске решения создать музей писателя, для чего здесь начали формировать его фонды. Мир, который окружал человека, – что лучше может рассказать о нем? Некоторые экспонаты представили на выставке «Ближний свет издалека» в Иркутском областном краеведческом музее.

КРЕСТ И КОЛОКОЛ

– Выставка в нашем музее, – говорит его директор Сергей Ступин, – один из шагов к созданию музея писателя. – Казалось бы, многие были с ним знакомы, но при этом знали о нем не много. Его приход к православию. Путь непростой, особенно в контексте истории нашей страны. На наш взгляд, экспозиция позволяет лучше представить богатый внутренний мир Валентина Григорьевича и движение его души. Задуман цикл выставок, посвященных разным аспектам его биографии.

Нам остается только гадать, как сам Валентин Распутин отнесся бы к этим событиям. Скорее всего, испытал бы неловкость от такого пристального внимания к себе. Но художник такого дарования на определенном этапе перестает принадлежать самому себе и становится собеседником, а иногда и близким другом тех, кто соприкасается с его творчеством. И ничего удивительного в

том, что читатели хотят больше узнать о писателе, который сделал их жизнь

духовно богаче. Думается, что выставка произвела бы на него хорошее впечатление. И не только содержанием, но также дизайнерским решением заслуженного художника РФ Сергея Элояна.

– Уже за год до своих юбилеев Валентин Григорьевич начинал мучиться из-за неизбежности торжеств, – рассказала вторая жена писателя Ольга Лосева. – Когда я увидела выставку в окончательном виде, я подумала, что он бы принял ее с открытым сердцем. Низкий поклон всем, кто работал над ее созданием.

Перед любой выставкой, особенно посвященной конкретному человеку, стоит непростая задача – воссоздать образ, адекватный оригиналу. Имеется в виду потаенная, не внешняя сторона. А если речь о такой личности, как Валентин Распутин?.. Эффектная и в то же время очень деликатная по настроению экспозиция впервые представила личные вещи писателя. Более ста пред-

Митрополит Иркутский и Ангарский Вадим (Лазебный)

За окном – Афон – главный свет на его пути

метов, среди которых фотографии, рукописи, иконы, книги. Сергею Элюяну удалось практически невозможное – без пафоса рассказать о самом интимном в жизни каждого человека – о выборе веры. Ключом к успеху стали не только талант и природный такт художника, но и то, что он иллюстрировал большинство книг писателя и в последние годы дружил с ним.

– Главное для меня было создать атмосферу, которая наиболее точно соответствовала бы душевному и духовному строю Валентина Григорьевича. Это значит – никакого пафоса, помпезности. Отсюда и естественная простота художественного решения, – подчеркнул Сергей Элюян. – Мне хотелось, чтобы каждый мог пройти по выставке и без лиш-

них пояснений понять главную тему.

Первый зал: неширокий коридор из баннеров, небольшой уголок деревенского дома, в котором родился писатель, на стене – фотографии родных и самого Валентина в детстве. В зале – инсталляция с элементами видео, которая погружает в реалии советской жизни. В этом окружении писа-

тель пребывал от появления на свет до его духовного рождения – когда в 1980 году в Ельце принял таинство Крещения по православному чину. Здесь по одну сторону были великие стройки, ударные пятилетки, покорение космоса, пионерия, комсомол и компартия, а по другую – разрушенные храмы, спрятанные иконы и вера, которая теплилась в сердцах людей. И эти две жизни, как две стены коридора, идут параллельно.

– Из бесед с Валентином Григорьевичем о том, что православие сохранилось только благодаря бабушкам и дедушкам, которые эту веру пронесли через советскую эпоху, когда за нее выгоняли из комсомола и партии, родилась идея разместить фотографии жителей деревень Иркутской области на тумбах, где расположены иконы, – это опять Сергей Элоян.

Завершает экспозицию первого зала витрина, посвященная крещению писателя. У наблюдательного и пытливого человека не может не возникнуть мысль: каким же непростым был путь этого человека к Богу.

Вход во второй зал оформлен двумя огромными черно-белыми баннерами с фотографиями узорных ворот храма. Смысловым центром выставки стала монументальная композиция из бруса с привязанным к ней церковным колоколом. Под ней – мемориальный стол писателя, на котором расположены настольная лампа, часы, заточенный с двух сторон карандаш и кипа бумаги. Рядом – кресло с наброшенным на спинку любимым пиджаком.

Такое ощущение, будто его хозяин отлучился на минуту.

– Центральная часть выставки – это образ писательского и гражданского труда, который выпал на долю Валентина Распутина, – отметил Сергей Элоян. – Подиум в форме креста символизирует его творческую и земную долю. Над ним висит символический колокол – бывший церковный колокол из коллекции иркутского художника Владимира Тетенькина. Это образ православной веры и писательской миссии Валентина Распутина. С одной стороны, сам писатель – это колокол, который, не дает людям духовно уснуть; с другой – именно церковный колокол зовет людей на молитву, побуждает подумать о своих грехах, раскаяться, обратиться к Богу. Композицию окружают баннеры с газетами 1980-х годов, когда все вокруг жили политикой. Я не случайно выбрал колокол с трещиной: ведь он символизирует раскол в обществе, который произошел в те годы. Как сказал один немецкий классик, мир дал трещину, и эта трещина прошла сквозь мое сердце.

Здесь же духовные книги из библиотеки писателя, первые издания очерков «Поле Куликово», «На Афоне», «Смысл давнего прошлого», «Ближний свет издалека», посвященный Сергию Радонежскому, который и дал название выставке. Здесь же можно узнать о паломничестве писателя на Афон и увидеть кадры, запечатлевшие это событие.

Третий зал с помощью фотографий знакомит с православной жизнью писателя и представляет храмы, которые Валентин Распутин помогал строить, те, где часто бывал, и, конечно, Знаменский собор в Иркутске, где упокоилось тело писателя.

РЕКА ЖИЗНИ

Сегодня краеведческий музей, на базе которого и будет создан Музей В.Г. Распутина, занимается формированием его фондов. Проект реализуется при поддержке правительства Иркутской области.

– Наш город тесно связан с писателем, здесь он учился в университете, начал писать, а в последние годы каждую весну приезжал сюда, навещал родные места и жил до глубокой осени недалеко от Иркутска, – вспоминает Сергей Ступин. – Именно здесь и на побережье Байкала Валентин Григорьевич создал многие свои шедевры. Так что Иркутск немыслим без зримого увековечения памяти о нем.

Будущему музею писателя уже передано более одной тысячи единиц хранения, десятая часть предполагающихся фондов. Шкафы с обширной библиотекой русской и зарубежной классики, литературой по философии, языкознанию, истории России и Сибири, книгами с автографами известных людей, уникальными миниатюрными и раритетными старинными изданиями. Благодаря сыну писателя музей получил те самые часы, лампу, письменный прибор, кресло и стол, за

Сергей Элоян и Сергей Распутин (сын)

Любимые герои

которым работал Валентин Григорьевич, а также коллекцию дымковской игрушки, колокольчиков, личные фотографии писателя и иконы.

– В переданной библиотеке отца есть целая полка запрещенной по тем временам литературы, которую он тайно привозил из-за границы, – вспоминает Сергей Распутин. – Сочинения Бердяева, «Несвоевременные мысли» Горького, «Колымские рассказы» Шаламова... Их читала вся наша семья и ближний круг друзей. Помню, мама очень боялась, что об этих книгах узнают и отца арестуют за чтение антисоветчины. Но пришла «перестройка», и Горбачев, на которого отец, как и многие, возлагал большие надежды, практически сдал нашу страну «доброму» Западу, а затем Ельцин разрушил ее изнутри. И если раньше отец относился к советскому строю критически, то в 90-е годы он голосовал только за КПРФ.

Ценные экспонаты привезла из Москвы Ольга Лосева.

– Вот «Жизнеописание и духовное наследие архимандрита Исаакия» – именно этот священник крестил Валентина Григорьевича, – отметила она. – Есть книги, связанные с пребыванием на Святой Горе, а вот молитвослов, который был с ним во всех больницах в последние дни жизни. Он даже заложен на каноне за болящего, который я ему читала. А вот эта рукопись, написанная бисерным почерком, – листочек из очерка об Афоне. Это черновой вариант. Чистовая рукопись

и черновик с поправками находятся в Ленинке, но один листочек попал к Курбатову – его давнему другу и исследователю творчества, а Валентин Яковлевич передал уже мне.

Сам музей писателя будет расположен в деревянном особняке на Свердлова, 20. Памятник деревянного зодчества, всего около 170 кв. м, включающий жилой этаж и полуподвальное помещение, по мнению друзей и знакомых Валентина Распутина, очень подходит для этой цели.

– Скромный, без украшений, неброский – этот дом, на мой взгляд, как нельзя лучше отвечает характеру Валентина Григорьевича, – считает главный художник будущего музея Сергей Элоян. – И даже его небольшую площадь нельзя считать существенным недостатком, ведь современные мультимедийные средства позволяют разместить всю необходимую информацию. Осмотр экспозиции будет начинаться с цокольного этажа, где мы образно создадим мир, который остался под водой в результате затопления Братской ГЭС. Ведь именно этой экологической и человеческой трагедии посвящены не только повесть «Прощание с Матёрой», но также последний очерк писателя «И снова вниз по течению» – о поездке по Ангаре, по результатам которой режиссер Сергей Мирошниченко снял фильм «Река жизни». А завершается осмотр на первом этаже, поскольку, какие бы тяжелые темы ни поднимал в своем творчестве Распутин, он всегда оставлял читателям надежду.

Концепцию музея разработала группа специалистов во главе с директором Иркутского историко-мемориального музея декабристов Еленой Добрыниной и директором Иркутского краеведческого музея Сергеем Ступиным.

– Создание музея Валентина Распутина в Иркутске – это не просто формирование коллекций, их научное описание, интерпретация для представления в экспозиционном и выставочном пространствах, – подчеркивает заместитель директора краеведческого музея по научной деятельности Татьяна Пушкина. – Его стратегия заключается в презентации литературно-публицистического наследия нашего великого земляка, в формировании – в первую очередь у детско-юношеской аудитории – интереса к жизненному и творческому пути Валентина Григорьевича. Музей должен привлечь и историков литературы, и краеведов, и поклонников творчества Валентина Распутина, и тех, кто откроет для себя личность писателя, увидит Иркутск его глазами, в чем-то поймет себя, определит свои жизненные ориентиры.

Музей Валентина Григорьевича Распутина – это рассказ о жизненном пути писателя. Мы же, со своей стороны, добавим: выставка «Ближний свет издалека», едва ли не единственная в истории современной культуры о крестном пути человека к Богу, – прекрасное к нему предисловие.

Иркутск

Любимые книги

Любимые вещи

Такая простая и ясная жизнь...

Храм преподобного Сергия Радонежского, что в московском Бусинове, теперь вписал в хронику своей жизни событие, которым, можно с уверенностью сказать, не многие могут похвалиться. Там чествовали шестидесятилетие семейной жизни Владимира Ивановича и Веры Ивановны Соколовых. Отложите журнал, задумайтесь, постарайтесь представить, что это такое – шестьдесят лет. Иной раз кажется: и двух дней не проведешь с человеком, а тут этих дней – почти 22 тысячи. А теперь – к рассказу.

Собрались клирики и работники храма. Настоятель митрофорный протоиерей Симеон Лев поздравил с бриллиантовой, как принято называть, свадьбой. Сказал, что ему ни разу не доводилось бывать при таком событии, да и едва ли найдется много подобных свидетелей, не говоря уж о героях. За двадцать лет, что знает Соколовых, он ни разу не видел их в размолвке или чтобы они с кем-то поссорились. Сам Владимир Иванович много лет бескорыстно несет послушание алтарника. В храме знают: если что, Владимир Иванович всегда готов прийти на помощь, подменить, помочь, разделить ношу. Как, впрочем, и Вера Ивановна. А то, что они – врачи с огромным профессиональным опытом, делает их поистине незаменимыми для прихода. Православный народ, особенно из немолодых и хворых, знает, что такое, когда есть «свой доктор».

Их история любви началась в середине прошлого века. Как и другим молодым людям, после школы надо было определяться: кем быть? В Куи-

Этимология слова «супруги» едва ли нуждается в разьяснении. Идущие в одной упряжке, соединенные одной упряжкой – не надо быть ученым-филологом, чтобы постичь этот смысл. Но добавлю: не просто идущие и не просто соединенные – делающие это в полном взаимном согласии. Сколько так можно идти? Год? Десять? Двадцать? А если шестьдесят? Легко ли, трудно?

бышевском медицинском институте они оказались в одной группе. Вскоре выяснили, что, оказывается, земляки и что к тому же могли учиться в одной школе в городе Беднодемьянске (названиице!). Это сблизило, и через какое-то время они поняли, что им нужно быть вместе. Володя Соколов сделал предложение студентке Вере. На четвертом курсе в 1956 году они стали мужем и женой. Было им чуть за двадцать.

На шестом курсе родился сын, что не помешало поставить Володю Соколова под ружье: после института молодого лейтенанта медицинской службы

направили в Калининград начальником медпункта воинской части. А Вера Ивановна на многие годы стала офицерской женой. Это особая категория людей – гарнизонные офицерские жены. Без любви, без терпения, без смирения эту долю не понести. Школа жизни гарнизонной офицерской жены – это без преувеличения школа постижения азов христианства.

Абсолютно необустроенный послевоенный Калининград поначалу не смог приютить молодую семью, и Вере с сыном пришлось вернуться к родителям в Пензенскую область. Но вскоре пришел вызов, и лейтенант Соколов принимал семью в медпунктской палате с тремя койками, а чуть позже появилась комната в коммуналке, что было почти счастьем.

Военврач – это такая профессия, без которой не обходится не то что война – любое учение. Так что Вера Ивановна хоть и состояла при муже, но больше управлялась одна. Вспоминает, как постоянно приходилось топить котел, чтобы сохранять тепло в

этом промозглом, неуютном климате. А топить приходилось усердно: родился второй сын, и забот стало вдвое больше. Однако не только управлялась с детьми и по дому, но работала сама – врачом-гинекологом в местном роддоме.

Через несколько лет Владимира Ивановича отправили служить в Германию (ГДР), а ей – опять ждать вызова. И, что скрывать, тревога: а как там он, а почему молчит?.. С мыслями не поспоришь, лезут и лезут в голову. Хорошо, мама всегда заступалась за зятя.

И отец Симеон (справа от юбиляра), и остальные впервые на таком событии

– Когда я говорила, что что-то не так, она меня одергивала: «Не смей так о Володе! Уж куда лучший мужчина, лучше не бывает – не пьет, не курит».

В самом деле, как-то у нас повелось: не пьет, не курит – значит, хороший. Особого секрета, почему так сложилось, понятно, нет. Но достаточно ли только не пить, не курить? Вера знала: ее Володя не из тех, за кем нужен глаз да глаз. Она знала: стержень его жизни – верность. Верность всему: жене, детям, воинскому долгу. Но сердце есть сердце...

Наконец долгожданный вызов был получен. А через семь лет новое назначение – в Ростов-на-Дону. Господи, чего только не довелось им перенести за эти годы! Тяжелая болезнь у Веры Ивановны. Удачная операция! Не отрываясь от семейных дел, окончила курсы усовершенствования врачей по бактериологии, начала работать по новой специальности. И снова перевод. На этот раз в Москву.

В столице Вера Ивановна стала работать в Онкологическом научном центре, в бактериологической лаборатории. И тридцать лет беспрерывной работы пролетели как один миг.

На вопрос, что самое главное, что бы сохранить семью, она улыбнулась:

– Уметь ждать, верить, что мы все равно будем вместе. Терпеть, смиряться с тем, что есть. Мы не просто так поженились. Любили, верили друг другу, не возникало каких-то подозрений, недомолвок. Когда он был дома, у нас все как-то ладилось, получалось, и

никаких неприятностей не было. Волнения? – это да.

Ну а как не волноваться? Десять лет службы в Афганистане – сами понимаете, не сахар. Один только рейд на вертолете, когда чудом остались живы, чего стоит!

Двадцать лет, вплоть до выхода в отставку в 1989 году, полковник В.И. Соколов – главный эпидемиолог ВВС России. Тоже, как понимаете, не увеселительная прогулка. Орден Знака Почета, четырнадцать медалей Министерства обороны, две – от правительства Афганистана.

– Одной награды в нашей семье не хватает, – улыбнулся Владимир Иванович. – Медали образцовой офицерской жены. Жаль, пока такую не придумали.

Большую часть жизни Соколовы, как многие, были далеки от Церкви, хотя и крещены в детстве. У Веры Ивановны мама и бабушка были глубоко верующими людьми. Володя даже под пионерским галстуком носил крестик. Только в зрелом возрасте Соколовы стали приходить к пониманию православия. Вера Ивановна рассказывает:

– Двадцать лет назад со мной произошло странное явление – ко мне во сне пришла мама, которая давно умерла. Удивительным было ощущение, что она здесь, со мной рядом, спрашивает: «Как вы живете?». – «Ничего, мама, все нормально, как всегда. А как папа?». – «Он сказал, что вы должны повенчаться, и тогда будет еще лучше». Я рас-

сказала об этом Владимиру Ивановичу, он согласился: «Раз мама так сказала, то надо это сделать». Так мы пришли в храм Сергия Радонежского в Бусинове. Походили в него какое-то время. Я рассказала батюшке, что мне приснился сон про маму и пожелание папы. Он спросил: «Вы хотите повенчаться только потому, что мама сказала?». – «Батюшка, и так и так», – ответила я.

Отец Симеон совершил таинство Венчания, и супруги Соколовы с тех пор стали прихожанами этого храма.

Мир и благодать исходят от этой семьи, от каждого из них. И люди благодарны им за тот свет, добро, который они несут всем, – и двум своим детям, и четверем внукам, и вообще всем вокруг.

Многая и благая им лета!

*Лариса Беляева,
фото автора*

СКРЕПЫ

Когда найдет искушение, не ищи, отчего и для чего оно нашло; но о том позаботься, чтобы благодарно, бескорбно и незлопамятно перенести его.

*Преподобный
Марк Подвижник*

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно
на нашем сайте **lampada-press.ru**

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Напоминаем тем, кто предпочитает гарантированно получать «Лампаду» домой, а не покупать ее в церковной лавке: подписаться на журнал можно с любого месяца, но только через редакцию.

Схема прежняя: деньги на телефон
8 (963) 962-5575 и НЕПРЕМЕННО СМС
с фамилией и подробным адресом подписчика.

Подписка проводится на добровольные пожертвования, то есть цена не фиксированная.

ПРИЧИНА: журнал приносит убытки (около 100 рублей на каждом экземпляре). Поднимать цену не хотим. Заплатите, сколько сможете. Благодарим.

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
св. мц. Татианы при МГУ

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
Воскресения Христова в Сокольниках

Всех Святых Алексеевского женского монастыря; на подворье Патриарха Московского и всея Руси при храме прп. Алексия, человека Божия

Иверской иконы Божией Матери на Всполье
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами

Новоспаский ставропигиальный мужской монастырь

прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
Троицы Живоначальной в Хорошеве

Троицы Живоначальной в Хохлах

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском

Вражке

царевича Димитрия при Голицынской больнице

Троицы Живоначальной в Останкине

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной

апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
свт. Климента, папы Римского

Успения Божией Матери в Казачьей слободе

Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья

Новомучеников и исповедников Российских в Строгине

Всех святых во Всехсвятском

Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье

Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)

Преображения Господня в Тушине

Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине

Прп. Сергия Радонежского в Бусинове

Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье

прп. Алексия, человека Божия в Крылатском

Богоявленский кафедральный собор в Елохове

Казанской иконы Божией Матери в Коломенском

Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь

Донской ставропигиальный мужской монастырь

Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве

св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»

Воскресения Христова в Кадашах

свт. Иннокентия, митр.

Московского в Бескудникове

прп. Сергия Радонежского

в Крапивниках

ISSN 2225-0271

9 772225 027100

Русская Православная Церковь

ISSN 2225-0271

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 4 (109) 2016
июль — август

**Тема номера:
БЕЗ КРЕСТА НЕТ ХРИСТА?**

- Сказочник игумен
- По следам первохристиан
- 60 лет в согласии и любви

